

КИРА ФАРДИ

МЕСТЬ
МАЖОРА

Кира Фарди
Местъ мажора

«Автор»

2022

Фарди К.

Мечь мажора / К. Фарди — «Автор», 2022

Она, Арина Васильева, – несчастная жертва обстоятельств и людской подлости. Преданная любимым, осужденная за то, что не совершала, она потеряла интерес к жизни. Он, Эрик Метельский, – мажор, человек, приложивший деньги и власть, чтобы девушку полностью уничтожить. Их отношения – непримиримая вражда, построенная на ненависти. Но так ли это?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2. Арина	8
Глава 3. Эрик	12
Глава 4. Арина	17
Глава 5. Эрик	21
Глава 6. Арина	26
Глава 7. Арина	31
Глава 8. Эрик	36
Глава 9. Арина	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Кира Фарди

Месть мажора

Глава 1

В зале суда не принято шуметь: здесь решается судьба человека.

Сегодня – моя судьба.

Люди заходят, озираясь, ищут свои места и шепотом переговариваются. В основном это знакомые жертвы, ее родственники, соседи.

Я закрываю глаза и превращаюсь в слух. Так легче. Хочется забыться, а еще лучше – унести в другой мир, где не будет того кошмара, в котором я живу уже месяц. Целых тридцать дней душевных метаний, терзаний и... терпения. Борьбы за себя, за Матвея, за жизнь, за счастье, которое было так близко, почти в руках, но ускользнуло.

Прислушиваюсь.

В мой уголок доносятся редкие звуки: шуршание одежды, скрип стульев, протяжный стон ежеминутно открываемой двери. Адвокат сидит недалеко. Вчерашний студент, он не расстанется с конспектами, карточками, учебниками. Вот и сейчас шелестит бумажками, что-то перекладывает, бормочет себе под нос, явно повторяя речь.

Сегодня его первое заседание.

Я ни на что не рассчитываю.

Абсолютно.

Решение принимала сама, поэтому и ответственность тоже лежит на мне.

Но чувства разуму не подвластны. Кто же знал, что вмешается этот человек! От отчаяния невольно повторяю про себя:

«Господи, помоги мне выстоять! Помоги!».

На какой-то миг все замирает, и эта тягостная тишина камнем падает на плечи, придавливает к полу. Нет, расслабляться нельзя! Только не уныние, только не это!

Встряхиваюсь, осматриваю зал.

Матвея нет.

Знаю, он не должен прийти. Смена в больнице. Любимый загрузил себя так, чтобы не оставалось времени на страх и раскаяние. Да и нельзя, чтобы нас видели вместе. Пусть лучше пострадает один из нас.

Но... как хочется заглянуть в любимые глаза, почувствовать опору и поддержку. Как хочется...

Глубоко вздыхаю, пытаюсь унять разбушевавшиеся эмоции, и надежда просыпается в душе: а вдруг не выдержит и придет? Наверняка тоже не находит себе места от переживаний.

Не отвожу взгляда от двери. Жду.

Мы двое – сила. Он стройный кипарис, а я лиана, оплетающая ствол. Без него я буду лежать на земле, а с ним тянуться к небу. Мы одна судьба на двоих, делим поровну и радости, и беды.

Беды...

Еще месяц назад я была так счастлива, а теперь сижу за решеткой на скамье подсудимых. Наручники оттягивают запястья, рядом стоят двое конвоиров, свирепо поглядывая на меня.

Наивные! Неужели думают, что я могу убежать, сломав железные прутья.

Тяжелая дверь снова с протяжным скрипом распаивается, напрягаюсь, вглядываюсь в толпу.

Матвея все нет.

От тоски сердце сжимается, на глаза наворачиваются слезы. С трудом сдерживаю рвущийся из груди крик. А он, как кислота, разъедает меня изнутри, превращает душу в кисель.

Тихое всхлипывание отвлекает от созерцания входа. В переднем ряду сидит пожилая пара. Женщина плачет, уткнувшись в грудь мужчине, тот хмурится и поглаживает ее по плечу.

Я знаю, что это безутешные родители жертвы, знаю, но не могу повернуть время вспять и вернуть им дочь здоровой и невредимой. Не могу... А потому боюсь даже смотреть в ту сторону, и сердце заходится от невыносимой боли.

А рядом с ними – этот человек. Кем он приходится погибшей? Жених, знакомый, возлюбленный? Какая разница, мне от этого не легче. Его лицо похоже на каменную маску, белые губы сливаются цветом с кожей, лишь глаза лихорадочно блестят. Сталкиваюсь с ним взглядом и сразу смотрю в пол: волна ненависти накрывает меня с головой.

– Я отомщу тебе! – заявил он мне, когда поймал в коридоре полиции после первого допроса.

Он вытащил меня на лестницу, схватил за плечи и встряхнул так, что зубы щелкнули. Я растерялась, перепугалась до истерики.

– Пустите! Помогите! – закричала в панике. – Кто вы? Что вам от меня надо?

– Кто здесь? Что случилось? – раздался мужской голос с верхних этажей. – Немедленно отпусти девушку!

Топот быстрых ног, пересчитывающих ступеньки, привел в чувство нападавшего.

Незнакомец оттолкнул меня, я потеряла равновесие, упала, он лишь брезгливо отряхнул руки, перешагнул через меня и побежал вниз, крикнув:

– Ты, курица, будешь еще кровавыми слезами умыться, проклянешь тот день, когда появилась на свет.

Этот гад приложил все усилия, чтобы я оказалась на скамье подсудимых. Безжалостный дьявол, мерзкий мажор, золотая молодежь! Никакие доводы следствия, что все улики смазаны, вторичны и нет свидетелей, не убедили его. Не знаю, чем, деньгами или властью, но он добился, чтобы дело рассматривали в суде.

Перевожу взгляд на прокурора. Об этом человеке ходят легенды. Ни одного проигранного заключения. Что может сделать против этого юридического монстра мой зеленый адвокатик, совсем мальчишка.

Ни-че-го!

«Я выдержу! Обязательно!» – повторяю про себя эти слова, как молитву. – Ради Матвея выдержу. Ради нас! Пусть только у него все будет хорошо!»

– Встать! Суд идет! – произносит секретарь.

Люди начинают подниматься, шурша одеждой, плач матери становится громче. «Господи, об одном прошу: дай мне силы!» – моя молитва похожа на стон, рвущийся прямо из сердца, но мне сейчас так нужна поддержка!

– Мы начинаем заседание районного суда столицы. Слушание номер сто тридцать восемь «ДТП со смертельным исходом и сокрытие с места преступления». Ответчик – госпожа Арина Васильева, пожалуйста, встаньте.

– Вставай! – приказывает конвоир и дергает меня за локоть. – Чего расселась?

Я пытаюсь подняться, но колени подгибаются. Качаюсь в сторону, ударяюсь плечом о решетку, вскрикиваю от боли.

– Пьяная, что ли? – шипит на меня конвоир и дергает вверх. – И когда успела?

Все плывет перед глазами, я едва вижу прокурора, который приближается ко мне.

– Если бы вы были более осторожной, то эта жизнь могла быть спасена, – говорит он.

И каждое слово тяжелым камнем падает на голову, отчего я опускаю ее все ниже.

– Простите, – только шепчу в ответ.

– Не у меня надо просить прощения, – грозно с высоты своего роста вещает прокурор. – Эти люди, – широкий жест в сторону родителей жертвы, – потеряли дочь. Ваше безответственное поведение отняло жизнь у девушки.

– Лера, доченька! Как же так вышло?

Протяжный стон несется по залу, и люди встряхиваются, начинают перешептываться, показывать на меня пальцами.

Слезы текут по щекам, капают с подбородка. Вытирать их руками, скованными наручниками, неудобно, отчего чувствую еще большую неловкость и стыд.

– Простите, – поворачиваюсь в сторону родителей.

– Оправдать такой поступок невозможно! – хлопает ладонью по столу прокурор, я вздрагиваю и втягиваю голову в плечи.

– Протестую! – вскакивает мой адвокатик. – Ваша честь, прокурор оказывает психологическое давление на подсудимую.

– Протест принят, – машет рукой судья.

Дальше я отключаюсь, закрываюсь от действительности. О чем говорит прокурор, что ему отвечает адвокат, ничего не слышу, только доносится приглушенное: «Бу-бу-бу», – да взлетает к потолку протяжный стон матери и обрывается где-то там, в вышине.

– Обвинение требует сурового наказания, – врываются в сознание слова.

Зал зашевелился, зашумел.

– В тюрьму ее! – крикнул кто-то.

– Туда ей и дорога!

– Хорошая девчонка погибла, а эта гадина живет и дышит.

– Тишина в зале суда! – обрывает людское возмущение секретарь, я ловлю ее сердитый взгляд и съеживаюсь.

– Ответчик Васильева приговаривается к шести годам лишения свободы, – забивает последний гвоздь в крышку моего гроба прокурор.

– Как шесть?

Вскрикиваю я и падаю на скамью. Ноги больше не держат тело, в пустой голове звон.

– И правда, перебор, – ворчит себе под нос конвоир. – Все дело белыми нитками шито.

– Ну, девка, кому-то важному ты точно перешла дорогу, – добавляет второй и открывает замок клетки. – Пошли.

А все начиналось так замечательно!

Дорогие читатели, перед вами новая история.

Не пугайтесь тяжелого начала.

На самом деле этот роман о любви. О большой, всепоглощающей любви, готовой сме-сти все преграды. Все герои любят страстно, до самопожертвования, до одержимости, судьба жестоко переплетает их жизни, и в этом клубке отношений рождается то самое неземное чувство, о котором мечтают все, но испытать его удается единицам.

Новая история очень нуждается в вашей любви и поддержке. Ставьте звездочки, добавляйте книгу в библиотеки, чтобы не пропустить продолжение, комментируйте. Даже простое «спасибо» поможет мне понять, нужна ли книга вам, читателям, заинтересовала ли она вас.

Глава 2. Арина

– Так, так, построились парами, – командую я своим первоклашкам. – Маша, возьми за руку Сережу.

– Не буду.

– Почему?

– У него пальцы грязные.

– Сережа, вытри руки, – вытаскиваю из пачки салфетку и переключаюсь на другого: – Егор, ты почему еще портфель не собрал? Мила помоги ему сложить тетради.

Мой класс парами выходит в коридор, но стройные ряды тут же распадаются: дети не могут долго стоять на месте, отвлекаются на любую мелочь.

Маленькие, неорганизованные, потерянные...

Совсем недавно ходили в детский садик, а теперь вынуждены носить тяжелые портфели, заново заводить друзей, сидеть на скучных уроках, вместо того чтобы весело играть. И хотя прошедший год многих заставил повзрослеть, все равно детство не выветрилось еще из юных головенок.

– Арина Романовна, а Степанов плачет, – дергает меня за руку миленькая девочка в светлых кудряшках.

– Ох, горе луковое, веди к нему.

– Он там.

Гоша Степанов – самый маленький ученик класса и по росту, и по возрасту. Он сидит за последней партой, уронив голову на скрещенные руки, и всхлипывает. Я присаживаюсь рядом, глажу его по волосам. Гоша смотрит на меня, и столько горя в ясных серых глазах, что понимаю: случилось что-то очень серьезное.

– Ну, рассказывай, почему слезы льешь?

– Ма-ма-ма...

– Мама за тобой не придет?

Он отрицательно качает головой.

– Ма-ма...

– Машинка потерялась? – догадываюсь я.

Это несложно, за первый класс я уже выучила потребности и проблемы малышей. Гошка судорожно всхлипывает.

– Это Сашка Игнатьев машинку забрал, – подсказывает Настя. – Он по подоконнику в коридоре ее катает.

Вот так весь первый год. Несмотря на строгий запрет, некоторые малыши приносят в школу игрушки, не могут еще расстаться с младенчеством. Беру Гошу за руку.

– Пойдем разбираться.

Но кто-то из детей, заглядывавших в класс, уже предупредил проказника. Машинку мы нашли на диване. Она стояла там в гордом одиночестве, никому не нужная. Гошка вытер рукавом лицо, дети наконец-то построились парами, и мы двинулись на улицу.

Сегодня у нас совместный выход за территорию школы – родители организовали экскурсию на шоколадную фабрику. Ребятишки ждали ее всю неделю с нетерпением. Я иду впереди с красным флажком в руке, сзади нас сопровождает мама Насти, она председатель родительского комитета.

Мой отряд цыплят – на детях надеты одинаковые желтые бейсболки – дружно минует школьный двор, выходит за ограждение. Шоколадная фабрика раскинула корпуса на противоположной стороне улицы, нужно всего лишь перейти дорогу, свернуть в квартал – и мы на месте.

Мы остановились у светофора и на зеленый свет гуськом тронулись вперед. Ничто не предвещало беды. Грамотные водители у школы всегда притормаживают, а «лежачие полицейские» не позволяют гонщикам газовать на скорости.

Первые пары уже вышли на противоположный тротуар, как загорелся желтый свет.

– Ребята, поторопитесь, – прошу я.

Вдруг Игнатъев толкает Гошку, с которым идет рядом, и вырывается вперед. Машинка, зажата в кулаке мальчишки, от толчка падает вниз, на дорогу, и катится под колеса.

– Нет! – кричит Гошка. – Моя машинка!

Он несется за игрушкой. В эту минуту загорается красный свет.

– Гоша, стой!

Родительница хочет схватить его за курточку, но вхолостую щелкает пальцами.

И тут из-за автобуса показывается мотоцикл. Водитель в черном огибает «лежачего полицейского» и мчится прямо на ребенка, в последнюю секунду замечает его, резко поворачивает. Харлей заносит и катит юзом.

Меня словно что-то подбрасывает в воздух. Я срываюсь с места, в несколько прыжков преодолеваю расстояние до Гошки, выдергиваю его с опасного пути и замираю, потрясенная, наблюдая, как водитель пытается справиться с управлением.

Не справляется.

Мотоцикл делает поворот и падает в нескольких сантиметрах от нас с Гошкой, водитель скатывается с сиденья и снопом валится на асфальт.

Все происходит так быстро, что я даже осмыслить ситуацию не успеваю. Зато теперь в разум врывается какофония звуков: машины гудят, прохожие кричат, тормоза визжат, а под самым носом шуршат бешено вращающиеся колеса.

Водитель садится. Я с ужасом смотрю на него, руки и колени дрожат, Гошка, прижатый к груди, тоже трясется.

Слава богу, жив! Все живы!

Байкер трясет головой, потом с трудом встает и резко поднимает визор шлема. Стрелы пронзительных синих глаз летят в меня.

– Спятила, тетка! Какого хрена под колеса лезешь?

– А ты смотри, куда едешь! – огрызаюсь я дрожащим голосом.

Чувствую, как язык от пережитого страха заплетается.

– За пацаном следить надо? Коза!

– От козла слышу! – в груди все взрывается от злости: этот бандит еще и хамит. Мгновенно вытаскиваю из кармана телефон и включаю съемку. – Да я тебя...

Парень вырывает из пальцев мобильник, с размаху бросает его на асфальт, я отшатываюсь, прикрываю голову Гошки руками.

– Ты что сделал? – взвизгиваю от страха и дергаю мотоциклиста за рукав.

– Царапалки убери, пока не оттяпал! – рявкает тот.

Перепуганный Гошка заходится громким плачем.

– Арина Романовна, я вызываю полицию! – кричит родительница.

Водитель оборачивается на голос, бросает взгляд по сторонам, потом небрежно сплевывает:

– Раскудахтались, курицы!

Он хлопывает визор, поднимает мотоцикл и, взревев мотором, уезжает.

– Арина Романовна, – возмущается мама Насти, – что это сейчас было? Хамло малолетнее!

Дети сбиваются в кучу вокруг нас и испуганно переговариваются. Тут соображаю, что не одна.

Быстро проверяю детей и выдыхаю: все на месте, даже проказник Сашка притих. Беру его за руку и иду вперед к проходной фабрики, а внутри все дрожит: наступает разрядка, приходит осознание того, что только что случилось. Перед глазами стоит картинка: Гошка под колесами, безутешные родители, а я оправдываюсь перед администрацией школы, полицией.

«Господи, спасибо тебе! Спасибо!» – мысленно обращаюсь к богу, еще не догадываясь, что эта случайная встреча на дороге запустит цепочку непредвиденных событий, которые перевернут мой мир.

Экскурсию я почти не слушаю, зато ребятишкам она очень нравится. Они оживленно обсуждают производство шоколада, с восхищением разглядывают все машины и агрегаты, втягивают ноздрями восхитительные запахи.

– Приходите еще, – приглашает нас мастер кондитерского цеха. – А это вам на память.

Дети получают шоколадные медали и, счастливые и довольные, идут назад в школу. Я передаю их родителям. Мама Гоши, которой малыши уже рассказали о происшествии, подходит ко мне и качает головой.

– Спасибо большое, Арина Романовна за сына. Если бы не вы...

Она отворачивается и вытирает слезы.

– Пожалуйста, пусть Гоша не приносит игрушки в школу, – тихо прошу ее.

Наконец класс пустеет. Сажусь за учительский стол и только теперь вытаскиваю из кармана разбитый телефон. Должен был позвонить Матвей, наверное, сейчас волнуется за меня, не понимает, почему я недоступна.

Работать больше не могу, пережитый стресс не позволяет расслабиться. Завтра суббота, впереди два дня выходных. Какая радость! Есть возможность немного прийти в себя.

Оглядываю класс, проверяю, все ли в порядке, поворачиваюсь к двери и вздрагиваю: опираясь на косяк, на пороге стоит Матвей.

– Как ты меня напугал! – кладу ладонь на грудь, где бешено бьется сердце.

– А ты? Я чуть с ума не сошел, не мог до тебя дозвониться.

Матвей отталкивается плечом, подходит ближе и притягивает меня к себе.

– Что ты делаешь! – толкаю его в грудь.

– Обнимаю свою женщину.

– Мы в школе!

– И что? Любовь учителям противопоказана?

– Ага. По мнению некоторых, мы не едим, не пьем, не ходим в туалет и не влюбляемся, – смеюсь я.

– Вот даже как! Отсталые люди, – он замечает разбитый телефон. – Ничего себе! Как ты умудрилась его так покалечить?

– Ты о мобильнике как о пациенте говоришь, – смеюсь я и рассказываю о происшествии на дороге.

– Как ты могла? – вскрикивает Матвей.

– Ты о чем?

– Подвергать себя опасности!

– Но я, – теряюсь, не ожидала от любимого такой реакции, – действовала рефлекторно. Ребенок же...

– Чужой ребенок! – любимый легонько щелкает меня по носу. – Чужой! А если бы ты пострадала?

Смотрю на Матвея с удивлением. Мне даже в голову не приходили такие мысли. Неужели он серьезно считает, что я должна была наблюдать в сторонке, как мотоцикл сбивает Гошку? Неприятное чувство рождается в душе. Иногда мой парень шокирует своими высказываниями.

Вздыхаю.

– Все же хорошо закончилось. А телефон старый, будет повод его сменить.

– Ох, Аришка, вот ты всегда так! Какой-то мажор нагадил, а ты его защищаешь. Ты его разглядела?

– Где там! – отмахиваюсь. – Обычный байкер, весь в черной коже, обвешанной блестящими штучками.

– Какими штучками? – Матвей поднимает брови.

– Ну, не знаю, цепочки всякие, брелоки, еще что-то.

– А лицо?

– Видела только яркие синие глаза, когда мажор поднял защитный щиток. Еще помню голос грубый, с хрипотцой. Но, может, просто не откашлялся.

– Черт! Наблюдательности у тебя, дорогая, ноль целых ноль десятых.

– Да я в шоке была, за детей испугалась, – не замечаю, как начинаю оправдываться.

С Матвеем всегда так. Он лучше знает, как этот мир устроен, и постоянно меня поучает.

– Надеюсь, номер мотоцикла записала?

– Где там! Не до этого было.

Я расстраиваюсь. Вечно все делаю неправильно. Другая бы на моем месте...

– Жаль. Надо бы разыскать гада и примерно наказать. Хотя... на переходе возле школы должна быть камера, да и у водителей регистраторы работали. Погоди, я Петрухе позвоню.

Он вытаскивает телефон, набирает номер своего друга, который служит в дорожной полиции. К моей радости, Петр не отвечает.

– Матвей, остановись! – дергаю его за руку. – Пойдем уже! Какие планы на выходные?

– О, планы у нас отличные, – оживляется любимый.

Ура! Мне удастся переключить его внимание. Ласково беру его лицо в ладони, столько лет вместе, а все наглядеться не могу. Матюша у меня красавец: высокий, стройный, ухоженный, идеально причесанный и гладко выбритый. Он не допускает ни малейшей небрежности ни в одежде, ни в работе, а это для молодого врача главное качество.

– И какие?

– Ты помнишь, какая у нас завтра дата?

– Конечно. Годовщина отношений.

– Я предлагаю отметить ее на природе. Поедем на пикник. Как тебе идея?

– Пикник? Здорово! – я даже зажмуриваюсь от удовольствия: давно из города не выбиралась. – А как же твоя больница, бесконечные смены?

– В этот уикенд я свободен, как птица. Берем твой Мерседес, окей?

– Ну, не знаю, – сомневаюсь я. Автомобиль, конечно, крутой, с открытым верхом, но по возрасту он старше меня. – На этом раритете давно никто не ездил. Может, даже не заведется.

– Куда он денется? Пусть только посмеет! Твоя мама хорошо за ним присматривает.

Матвей хватает меня в охапку и пытается поймать губы, а я уклоняюсь.

– Эй, молодежь, домой не собираетесь?

В кабинет заглядывает техничка.

– Да-да, простите, – смущаюсь я. – Мы уже...

– Вот за что ты просишь прощения? – упрекает меня Матвей.

– Не знаю. Я такая...

Вечер проводим за сборами. Любимый ведет себя как настоящий заговорщик. Не признается, куда хочет меня отвезти, а я сгораю от нетерпения и волнения. Чувствую, надвигается что-то грандиозное...

Глава 3. Эрик

Лера убежала от меня. Я пытался ее догнать, казалось, еще шаг, и схвачу любимую за руку, но она вдруг пропала в солнечных лучах, только звонкий голос колокольчиком звенел в ушах:

– Не поймаешь, не поймаешь!

– Иди сюда, куколка.

Тяну к ней руки, но кто-то трясет меня за плечо так, что голова мотается по подушке.

– Эрик, вставай. Ну, вставай же! Я на работу опоздаю.

Открываю глаза: Лерка из плоти и крови стоит, наклонившись ко мне. Хватаю ее за талию и тяну на кровать рядом с собой. Зарываюсь в ароматную шею, прихватываю зубами кожу.

– Не пущу! Ты моя!

– Эрик, спятил? След останется. Что я родителям скажу?

– Скажи, что ты спала со своим парнем, он поставил засос.

– Ага! Так и разбежалась, батя меня прибьет!

– Не прибьет. Он нос по ветру держит, его дочка с богатеньким буратинкой встречается.

– Ах ты, паразит! Это ты такого высокого мнения о моей семье?

Лера бьет меня по плечу и яростно начинает сопротивляться. Но я держу крепко, не пускаю. Она понимает, что я прав. Ее отец – игрок, вечно сидит в долгах и тянет деньги из дочери, которая работает в нескольких местах, чтобы помочь матери.

* * *

Мы встретились случайно. Лера подрабатывала официанткой в клубе, где я зависал на очередной вечеринке. Она принесла в отдельный кабинет поднос с напитками. Тоненькая, стройная, в коротенькой юбочке, едва прикрывающей упругую попку, девушка с первой минуты поразила меня. Я никогда не видел, чтобы алкоголь несли с достоинством и грацией балерины.

Лера аккуратно присела, поставила поднос и уже хотела уйти, как я схватил ее за талию, дернул к себе на колени. Мой дружок мгновенно отреагировал стояком. То ли выпитое за вечер в башку ударило, то ли девчонка так понравилась, но я сразу понял: не отпущу, моя.

– Останься со мной, куколка.

– Руки убрал, чмо!

Тут же получил по морде. Наступившая тишина разорвалась от громкого хохота. Приятели покатались со смеху, показывая на меня пальцем. От удара и унижения загорелось все лицо. Девушка вскочила и выбежала за дверь, я помчался следом.

Добивался Леры долго. Обычно, если что-то хочу получить, прущу, как танк, не разбирая дороги, благо деньги позволяют. Но с Лерой вышел полный облом. Ни цветы, ни подарки, ни оплата долгов ее семьи на нее не подействовали. Она отчаянно сопротивлялась. Вот так и крутился, пока в один момент не понял, что увяз в любви по самые помидоры.

* * *

Два года прошло, смотрю на милое лицо и таю. Так бы посадил девчонку в золотую клетку и любовался ею сутками, вот только она не хочет. Лера наконец изворачивается, кусает меня за палец, и, пока я дую на ранку, слетает с кровати.

– Эрик, быстро мыться и за стол. Завтрак остывает.

– А что у нас на завтрак? – втягиваю ноздрями воздух, пахнет жареным. – Блинчики?
– Разбежался! – хохочет Лера. – Некогда мне блинчики печь, кашей и тостами обойдешься. У тебя есть пять минут. Шагом марш в ванную!

Она звонко хлопает меня по задку и убегает в кухню, а я закрываю глаза от блаженства. Лерка всегда такая, немного грубоватая пацанка, может отобрить любого, но только она держит меня на привязи, ни одна красавица мира не заменит мою любимую.

Взлетаю над кроватью, несусь в душ, потом сажусь за стол. По привычке еще ною:

– Зачем ты поднимаешь меня так рано? Куда мне торопиться?

– Молчать, бездельник! – Лерка хлопает ладошкой по столу.

– Есть, товарищ генерал, – сую нос в тарелку, – пахнет убийственно.

– Вот и ешь.

– Вкуснотища! – восхищаюсь я геркулесовой кашей, которую с детства ненавижу.

Лерка об этом знает, поэтому специально сварила ее, чтобы наказать меня: явился к ней ночью пьяный, на мальчишнике отрывался.

Мой приятель, Димка Михеев, решил жениться и заронил мне в голову такую мысль. Наши с Лерой отношения пора вывести на новый уровень, только как быть с отцом? Тот спит и видит меня женатым на дочери компаньона. Уже распланировал жизнь до гроба, даже слышать не хочет о моей девушке.

– Бездельники другой еды не заслуживают.

– Лерка, выходи за меня замуж, – слова срываются сами, помимо моей воли, и тут вдруг понимаю: это не случайность, а выверенное решение.

Она откладывает ложку в сторону, иронично смотрит на меня.

– Как только, так сразу, – отвечает серьезно, а глаза улыбаются. – Вот когда работать начнешь, тогда и выйду.

– А зачем мне работать? Батя близко к холдингу не подпускает. Я и без работы богатый, наследство получу.

– Вот тогда и поговорим о женитьбе.

– Лер, так нечестно, – хлопаю ресницами и обиженно отпихиваю нижнюю губу, – пока батя созреет поделиться богатством, я состарюсь. И если я тебе молодой и красивый не нужен, то уж дряхлый и беззубый старик точно не пригодится.

– Ничего не знаю! С тунейдцами и мажорами мне не по пути! – Лерка вскакивает, чмокает меня в щеку и несется к выходу. – Посуда на тебе. Дверь сам закрой. Пока!

Я смотрю в окно, как она бежит по двору, скрывается в арке. Через секунду показывается и машет мне рукой: знает, что жду.

Сердце заполняет нежность. Только эта девушка мне нужна, только она. Идея приходит в голову мгновенно.

Скидываю посуду в раковину, потом помою, хватаю блейзер и спускаюсь вниз. Так и знал: секретарь, приставленный ко мне отцом, ждет у машины. Заметив меня, он обегает авто и распахивает дверь салона:

– Доброе утро, Эрик Борисович. Куда едем?

– Привет, Санек. В ювелирный салон. Самый крутой. Ферштейн?

– Ферштейн, только...

– Что еще?

– Борис Сергеевич велел привезти вас в особняк.

– Обойдется.

– Как скажете.

Телефон звонит, когда мы уже подъезжаем к салону. Смотрю на экран и кривлю губы: батя. Опять начнет орать, что единственный наследник его многомиллионного состояния прожигает жизнь в клубах и ресторанах.

- Чего надо? – отвечаю намеренно грубо, чтобы сразу отстал.
- Ублюдок! – рывкает папаша. – Ты как с отцом разговариваешь?
- Прости, насчет ублюдка не ко мне. Рожден в законном браке.
- Я язык твой поганый отрежу.
- Вперед, если достанешь.

Ловлю в зеркале осуждающий взгляд секретаря. Но мне плевать, последнее слово всегда остается за мной. С некоторых пор по-другому разговаривать с отцом не могу.

- Да я тебя...
- Ты зачем звонишь, батя? – перебиваю его.
- Щенок! Помнишь, какой сегодня день?

Напрягаю мозги, спрашиваю глазами у водителя.

- День рождения Глафиры Викторовны, – одними губами отвечает он.

Вот незадача, совсем забыл! Теперь домой хоть не показывайся, точно хакакири придется делать. Вздыхаю.

- Ну, помню. Что дальше?
- Подарок уже купил?
- Кто? Я? Зачем? Твоя кукла, вот ты ее и балуй.
- Как ты смеешь! Глаша – твоя мать!

– Мачеха, ты хотел сказать. Мою мать ты загнал в могилу своими похождениями старого котяры.

- Эрик!

Слышу, отец задыхается от злости: все же удалось его сегодня достать. Хотя... Новая мысль рождается внезапно и занимает первое место в очереди себе подобных.

– Да не кипишуй ты так, батя! Я в ювелирном салоне, как раз подарок выбираю. Буду дома через час, разговор есть.

Отключаюсь, бросаю телефон на сиденье и дергаю ручку двери – секретарь как раз припарковался на стоянке.

- Мне вас проводить? – спрашивает он.
- Обойдусь. Жди здесь.

В магазине меня уже знают, не первый раз покупаю дамам сердца подарки. Девушки-консультанты бросаются ко мне и наперебой предлагают украшения.

- Так, мне самое модное кольцо. Что у нас в этом году в тренде? – спрашиваю их.

Меня тут же подводят к витрине, где лежат дорогие украшения люксовых брендов. Одно сразу привлекает мое внимание.

– Змеиная тема – это то, что нужно, – радостно потираю руки и выбираю кольцо, серьги и кольцо, оформленные в одном стиле.

Продавщицы переглядываются.

– Да-да, отличный выбор! – восхищенно говорит одна. – Как раз для женщин, сильных характером.

«А еще хитростью, подлостью и изворотливостью», – хочется добавить мне, но вовремя прикусываю язык. Мой взгляд прикован к витрине с обручальными кольцами. Я сразу направляюсь туда.

– Заверните мне это, – показываю на колечко с самым огромным бриллиантом. Уж перед таким камнем Лера точно не устоит.

- Какой размер изволите?

На этом вопросе застываю: представления не имею, какой размер пальцев у любимой.

- Давайте шестнадцатый, – наугад брякаю я. – Если не подойдет, поменяю. Так можно?

Продавщицы опять переглядываются, потом дружно смотрят на директрису.

- Для постоянных клиентов у нас есть такая услуга, – важно отвечает она.

– Ну, Санек, теперь едем домой, – показываю водителю пакеты с подарками. – Надо задобрить драгоценного родителя.

В особняке кипит жизнь: сегодня у нас большое торжество по случаю дняхи мачехи. Наверняка будут важные лица. Отец пригласит всех компаньонов, чтобы еще раз напомнить им, кто в этой жизни хозяин.

– Борис Сергеевич в кабинете, – бросается мне навстречу дворецкий.

– И как он, Клим Иванович?

– У-у-у, чернее тучи, – машет рукой тот. – Кто-то с утра испортил барину настроение.

– Хм! И кто это мог быть?

Хлопаю дворецкого по плечу и бегу в кабинет, на ходу здороваясь с прислугой, которой в нашем доме больше, чем хозяев.

– Явился, – грозно встречает меня отец.

– По первому зову.

Бросаю пакет с украшением для мачехи на пол, плюхаюсь в кресло, которое возмущенно прогибается подо мной, и закидываю ноги на журнальный столик. Ничего не могу с собой поделывать, хочется позлить старика, просто навязчивая потребность срывать на нем плохое настроение.

– Где всю ночь шлялся?

– На мальчишнике был. Димка женится.

– А ты когда созреешь?

– Уже созрел. Скоро буду своей девушке делать предложение.

– Очередная игрушка?

– На этот раз все по-настоящему.

Отец поднимает трубку и рявкает:

– Александра ко мне. Немедленно!

Санек входит осторожно, но с достоинством. Вообще мой секретарь – человек нордической выдержки. Иногда мне кажется, что нервы у него напрочь отсутствуют.

– Слушаю вас, – склоняет голову он.

– Что за дешевку нашел мой сын? Почему мне не доложил?

– Она не дешевка, – вскидываюсь я.

– Сядь! Тебе слово не давал, – отец смотрит на Саньку, тот выдерживает его взгляд.

– Эрик Борисович уже два года встречается только с одной женщиной.

– С той нищенкой?

– Она не нищенка! – зверею я.

– Сколько миллионов у ее семьи?

– Ты все только деньгами миришь.

– Так, ясно, миллионов нет. Вот и заткнись! Такую невестку даже на порог не пушу.

– Батя, ты совсем ку-ку? Я... хочу... жениться по любви! – четко, разделяя каждое слово, произношу я. – Готов даже смириться с мачехой.

Иду на трудный компромисс, в надежде все же уговорить отца. Но, если в голове человека вместо мозгов калькулятор, разговаривать бесполезно.

– Глаша тебе заменила мать, – шипит отец. – Неблагодарный ублю... – он замолкает, подбирая правильное слово, потом выпаливает: – Нахал!

– Хочешь, я твою жену мамой стану звать? Пап, пойми, я не могу без Лерки. Совсем. Час ее не вижу, и словно кислорода лишаюсь.

– Ты оставь свои прихоти. Любовь в нашей среде – непозволительная роскошь.

– Да, только деловой расчет. Правильно? Сам на маме женился и до смерти ее гнобил и унижал. Хочешь и мне такую судьбу?

– Время другое, – отрезает отец. – Ваше поколение более свободно. Ты женись, заведи потомство, а с этой твоей, можешь встречаться, пока не надоест.

Смотрю на отца и свирепею. Как пробиться к его душе, не понимаю. Неужели не ясно, что я от своей затеи не откажусь. Чем больше препятствий, тем сильнее я хочу получить желаемое. Спорить бесполезно, придется действовать хитростью.

– Хорошо, – с трудом выдавливаю из себя и встаю. – Чего ты от меня хочешь?

– Сегодня обязательно будь на ужине. Я пригласил семью Соколовых. Они придут с дочерью.

– Это какие Соколовы? Те, у которых сеть ювелирных магазинов, – трясу пакетом с известным логотипом, – или те, у кого металлургические заводы на Урале?

– Бери выше. Геннадий Соколов не только бизнесмен, но и депутат Государственного собрания. Мне нужно с ним породниться.

– Зачем? Тебе своего богатства мало?

– Нужно один закон в Думу протолкнуть. Тебе об этом не обязательно знать. Женись на дочке Соколова и можешь всю оставшуюся жизнь ваньку валять.

Я выскакиваю из кабинета вне себя от злости. Еле сдерживаюсь, чтобы не швырнуть змеиный набор в лицо папаше.

– Эрик, ты дома, – сверху доносится еле слышимый голосок.

Поднимаю голову: Глафира собственной персоной. Ненавижу эту бабу, всеми фибрами души ненавижу. Внешне такая милая, такая внимательная и предупредительная, а внутри гнилое болото. Уверен, что именно из-за нее мама так рано ушла из жизни. Сколько себя ни помню, батя ни во что не ставил жену, зато любовницу забрасывал подарками.

Нет уж, выкусите! Меня не заставьте пойти той же дорожкой!

Наблюдаю, как мачеха спускается по ступенькам, элегантная мадам в шелках, а на деле – второсортная актрисулька, захватившая богача. Она подходит ближе, я церемонно беру протянутую руку и делаю вид, что целую.

– Доброе утро, маменька, – отвечаю в тон ей.

– Что с тобой, Эрик? – пугается моей ласки она и сразу ошетинивается: чутье у этой леди как у гончей собаки.

– Ничего: совсем. С днем рождения, – трясу пакетиком.

– Ой, это мне?

– Да, тебе, но получишь вечером, когда гости придут.

– Ты уже знаешь, что будут Соколовы?

– Батя меня осчастливил.

– Не подведи его, Эрик. Папа на тебя рассчитывает.

«Ага, как же! – думаю про себя. – Батя меня использует в своих интересах. Вот только шиш ему! Не дамся».

– Отлично! Я на него рассчитываю тоже.

Направляюсь к семейному бару: без хорошего стакана выпивки мне сегодняшний день не пережить.

К вечеру накачиваюсь уже прилично, но не забываю решать задуманные дела. Звоню Димке, расспрашиваю его о кемпинге на Оке Дьявола, которым владеет его семья, заказываю коттедж на выходные и роскошный ужин.

Вот теперь можно и повеселиться.

Глава 4. Арина

Счастье...

Что это такое? Кто знает?

Восторг, переполняющий мою душу сегодня, – это счастье?

Или счастье – это солнце, бьющее в глаза, легкий ветерок, овевающий лицо? Я чувствую, как его струйки перекатываются по щекам, играют волосами и бросают мне в глаза растрепанные пряди.

Нет, счастье – это плечо Матвея, к которому прижимаюсь. Я вдыхаю мужской аромат, смешанный с запахом воды, которая мелькает в просветах между деревьями, и буквально схожу с ума от переполняющей душу радости.

Счастье – это сегодняшний день, который, я надеюсь, превратится в нескончаемую череду подобных.

Сердце переполняет любовь. От переизбытка эмоций я отстегиваю ремень, выглядываю в люк на крыше, широко раскидываю руки и кричу:

– О боже! Как здорово! Я счастлива!

– Сумасшедшая! – хохочет Матвей и дергает меня вниз. – Держись! Сейчас поворот будет!

Старичок Мерседес, оставшийся в нашей семье еще от деда, радостно откликнулся на призыв Матвея провести день за городом. Он мягко вписывается в вираж, начинает торможение, в глубине мотора что-то щелкает и урчит. Машина пару раз дергается и наконец останавливается на берегу потрясающе красивого озера.

– Слушай, надо проверить тормоза, – озабоченно хмурится Матвей. – не нравится мне, как они работают.

– Ага. Обязательно. Как только вернемся в город, – я выхожу из машины и осматриваюсь. – Где мы?

Никогда не была в таком чудесном и необычном уголке природы. Насколько хватает взгляда, передо мной плещется и переливается вода.

Вытянутое в овал, окаймленное ресницами елей, озеро напоминает глаз. В центре находится темное пятно, почти правильной круглой формы. Это радужка. Вокруг нее – широкая полоса светлой воды – белок.

– Красиво, правда? – теплые руки Матвея обнимают меня со спины.

Я упираюсь затылком ему в плечо.

– Волшебное просто! Даже не знала, что в окрестностях столицы есть такое местечко.

– Озеро называется «Око Дьявола».

От слов любимого мурашки бегут по спине, настолько не соответствует эта неземная красота названию.

– Почему?

Название озера пугает, тревожит, что-то жуткое чудится в нем.

– Все просто. Видишь в центре пятна чернота?

– Нет.

– Приглядишься.

Всматриваюсь: действительно, непроницаемая чернота по центру озера притягивает и завораживает. Кажется, что там шевелится живое существо, которое, как Лох-Несское чудовище, вынырнет из воды и проглотит нас.

– Что это? – хватаю Матвея за локоть и сильнее прижимаюсь к его боку. – Жутковато.

– Это воронка. Озеро карстовое, маленькое, но очень глубокое. Много пловцов утонуло к себе на дно.

– Ужас какой! – передергиваю плечами и всхлипываю.

– Да ладно тебе, Ариша! – смеется Матвей. – Ты чего? Плавай у берега, и будет тебе счастье. Зато красота-то какая! Я хотел здесь отметить нашу годовщину, чтобы память на всю жизнь осталась. Как насчет селфи?

– Прямо сейчас?

– А чего тянуть?

Он подхватывает меня за талию и кружит, кружит. Мимо мелькают деревья, кусты, вода, песок пляжа, я смеюсь, запрокинув голову, и все страхи разлетаются в стороны.

Мы находим кемпинг, где Матвей снял на день домик. Несколько похожих коттеджей прячутся среди деревьев. На ухоженной территории раскинуты клумбы, стоят скамеечки, у каждого строения своя беседка, в ней стол, окруженный стульями, рядом мангал, стопка поле-ньев. Возле многих домов припаркованы машины, то там, то тут мелькают люди, слышится веселый смех, звучит разноголосая музыка.

На длинных мостках, убегающих к середине озера, стоит спиной к нам парочка. Девушка в купальнике, парень с обнаженным торсом и в шортах. Он обнимает подругу, наклоняется к ней, что-то говорит, та смеется, запрокидывая голову.

– Смотри, такие же, как мы, – показываю на влюбленных.

– Да, сюда многие приезжают с определенной целью.

– С какой?

От любопытства замираю, тянусь к Матвею, словно он должен поведать мне великую тайну.

– Все мое время, – любимый чмокает меня в нос. – Не торопись.

– Популярное местечко, – отмечаю я. – Наверное, дорогое.

– А то, – Матвей гордо вскидывает подбородок. – Но сегодня у нас особенный день.

Он загадочно улыбается и тянет меня к домику.

– Лера, стой! – крик за спиной заставляет нас оглянуться. – Это опасно!

Только что ворковавшие на мостках влюбленные распались. Девушка молнией мелькнула по мосткам и прыгнула в озеро, парень нырнул за ней.

– Ой, поссорились, – вырывается у меня.

– Бывает, знаешь же пословицу: «Милые бранятся, только тешатся». Не обращай внимания.

– Но как же не обращать, – от волнения стягивает горло. – Смотри, она же плывет к воронке.

– Что ты вечно переживаешь за чужих людей? Парень ее обязательно догонит. А теперь зажмурься.

– Зачем?

Спрашиваю машинально, не отводя взгляда от мелькающих в воде голов. Отмечаю только, что парень приближается, и облегченно выдыхаю: любовь победила. Матвей, не отвечая, закрывает мне глаза ладонями и ведет внутрь домика.

– Осторожно, Аришка, здесь ступенька, подними ножку. Умница. А теперь вторая.

– Я сама.

– Нет, пока нельзя, – слышу скрип двери. – Все. Теперь смотри!

Он широко разводит мои руки. Первое, что я вижу, когда мы переступаем порог, – широкую кровать, усыпанную лепестками роз. Их нежный аромат разливается в воздухе и щекошет ноздри. От смущения загораются щеки, так и хочется приложить к ним лед. Нет, мы уже давно с Матвеем вместе, не только за ручку держимся, но обстановка такая, что невольно в душе просыпается робость.

– О боже! – шепчу себе под нос.

«Неужели Матвей созрел?» – крутится в голове мысль о другом. Давно жду от него предложение, устала от расспросов подруг, укоризненных взглядов мамы.

– Нравится?

Матвей широко улыбается, а я смотрю на него влюбленными глазами и не понимаю, как, за какие заслуги мне достался такой потрясающий человек, молодой врач с большим потенциалом. Буквально на днях его приняли на работу в элитный медицинский центр – дочернее предприятие холдинга «Альфа-групп», а значит, впереди его ждет блестящее будущее.

– Очень, – голос внезапно сипит и дрожит от волнения.

– Иди ко мне, Ариша.

Теплые руки обнимают меня. Матвей берет пальцами мой подбородок, заглядывает в глаза, словно спрашивает разрешения, и я таю, проваливаюсь в расплавленный мед его взгляда, привстаю на цыпочках и отдаюсь во власть таких манящих и желанных губ.

Нежный и ласковый поцелуй становится все более страстным, я чувствую желание Матвея, жар разливается и по моей коже.

– Я хочу тебя, – горячий шепот опалает мочку уха.

– Не болтай!

Толкаю его в грудь, и мы, смеясь, падаем на кровать. Лепестки роз взмывают в воздух, кружатся и летят на нас. Мы сдуваем их, передаем друг другу, растираем пальцами. В какой-то момент замираем, сдерживая хрипкое дыхание, а потом начинаем целоваться, яростно, жадно. Наконец я отрываю от Матвея свои губы, но он не останавливается, целует меня в шею, ниже...

– погоди, не торопись, – уговариваю его, когда моя футболка падает на пол. – Это безрассудно, вещи, машина... Ой, что ты делаешь?

Джинсы уже валяются на полу. И как быстро! Я никогда не видела любимого таким страстным, нетерпеливым, его желание отзывается в каждой клеточке моего тела.

– Потом, все потом, – бормочет он.

Он вскакивает, сдергивает с себя рубашку, расстегивает ремень.

– Матвей! Давай подождем. Еще не вечер.

– Я понимаю, – он плюхается на кровать рядом. – Ни одного больше слова, Ариш.

Его губы начинают преследовать меня везде, пока он срывает остатки одежды. У Матвея изумительный рот, он заставляет дрожать меня от одного случайного касания, а уж когда язык проникает в мой пупок...

– Матюша, нет, – я уже едва могу говорить, настолько сильно возбуждение.

– Мне нравится, – горланно смеется любимый. – Скажи еще раз «нет».

Да, мой Матвей очень хороший любовник, от его ласк и поцелуев целый каскад иголок рассыпается по всему телу, вместе с ним нарастает и напряжение, я проваливаюсь в нирвану, полностью отдаюсь моменту.

– Ты готова? – от хриплого голоса вздрагиваю.

– Еще чуть-чуть, любимый.

– Больше не могу, прости.

– Нет...

Матвей несколько раз дергается и замирает.

– Хорош-о-о-о! – на выдохе тянет он.

– Нет...

Я дрожу от неудовлетворенного желания, но любимый быстро чмокает меня в лоб, откачивается и растягивается во всю длину кровати.

Поворачиваюсь на бок, сгибаю ноги в коленях и прижимаю к груди, от разочарования слезы закипают в глазах.

– Ну, не обижайся, Ариша, – Матвей целует меня в шею. – Ты сегодня такая сладкая, что мой жеребец не удержался в узде.

– Ничего страшного, – выдыхаю я на шутку, хотя в душе зреет обида.

Не первый раз оставляет Матвей меня неудовлетворенной, давно замечаю за ним вспышки эгоизма. Но что поделать? Он не со зла, просто всю жизнь его, единственного сына в семье, баловали, ставили на пьедестал. Мать и сейчас пылинки с него сдувает, ревнует даже ко мне, считает недостойной ее драгоценного ребенка.

Напряжение постепенно спадает, чувствую, что замерзаю, тяну на себя покрывало.

– Ты полежи немного, – оживляется Матвей. – Я в душ, а потом мясом займусь.

Я кладу голову на подушку и устраиваюсь уютно под одеялом. Сегодня замечательный день, годовщина наших отношений, не тот момент, чтобы нянчить обиду. Подумаешь, не получился оргазм! Это такая мелочь! Зато какой сюрприз мне устроил любимый!

Устраиваюсь поудобнее. Я вообще не помню плохого. Все, что связано с Матвеем, для меня священо. Он мой любимый, самый важный после мамы человек в жизни, свет в окне...

Глава 5. Эрик

Гостей набивается целый дом. Здесь бизнесмены, депутаты, большие боссы больших компаний. Они важно прохаживаются по залу, здороваются друг с другом, перекидываются словами. Их жены тоже сбиваются в кучки. То и дело слышатся восторженные возгласы. Шуршат шелка, сверкают бриллианты.

Богато, помпезно, уродливо...

Я стою у рояля, на котором иногда музицирует мачеха, и выглядываю семейство будущей жены. С Наташкой Соколовой знаком давно, мы всегда были на ножах. В душе теплится надежда, что и ей этот договорной брак, как собаке пятая лапа. Вдруг к ее желаниям прислушиваются родители!

Как только Соколовы показываются в гостиной, хватаю Наташку и тяну в сторону.

– Соколова, Соколова, Соколова, – напеваю ей. – Ты нужна мне снова, нужна мне снова. Ля-ля-ля, придумать больше не могу.

– Чего тебе, Метла? – сразу ошетиливается она, называя меня детским прозвищем от фамилии Метельский.

Наташка смотрит подозрительно, какой гадости от меня ждать. В детстве мы всегда воевали, в юности – соперничали. Потом Наташка улетела учиться в Америку, а я прожигал жизнь в своей стране. И вот снова встретились.

Оцениваю ее взглядом.

Красивая, высокая, в каждом движении чувствуется воспитание и порода. Ее немного раскосые глаза блестят и, кажется, будто наполняются непролитыми слезами. Загадочный взгляд, легкая улыбка, грациозный наклон головы выражают одухотворенность.

Наташка – настоящая светская львица, хорошая партия для любого мажора.

Но не для меня. Я свой выбор уже сделал.

Беру у официанта бокалы с шампанским, один протягиваю ей.

– Натаха, слышала, родичи хотят нас поженить.

– Раз хотят, значит скоро будет помолвка.

– Ты согласна? – делаю неприятное для себя открытие.

– А меня разве кто-то спрашивал? В нашей среде брак – это бизнес.

– Вот! – чокаюсь с ней, нежный звон богемского хрусталя ласкает уши. – Неужели не хочешь свободы?

– Ты о чем? – Наташка подозрительно косится на меня фиалковыми глазами, наверняка линзы нацепила.

– У меня любимая есть.

– А-а-а, и что?

Соколова мрачнеет, улыбка сползает с лица. Отчего-то становится неуютно. Такое впечатление, что Наташка спит и видит себя моей женой.

– На всякий случай предупреждаю, на тебе не женюсь.

– Решай этот вопрос с родителями.

– И ты со своими поговори.

– Не буду.

– Почему?

– Я понимаю, как слияние наших компаний важно для бизнеса.

– Слушай, я не желаю жертвовать собой ради презренного золота.

– Вот как ты воспринимаешь наш договорной брак!

Я чуть не сплевываю с досады. Не думал, что Соколова такая упрямая. Ну, что даст ей эта свадьба? Все равно жить с ней не буду. Неужели не понимает, что не стерпится и не слю-

бится. Живой пример – мои родители. Мама всю жизнь страдала, болела и пряталась в своих апартаментах, отец менял любовниц, как перчатки, а потом привел в дом Глафиру. Как в таких условиях меня умудрились заделать, не понимаю.

Наташка надувает губы, сует мне в руку бокал и уходит. Смотрю ей вслед – всем хороша: фигурка просто отпад, ноги от ушей, плечи гордо развернуты, осанка королевы, – но мне нужна другая.

Что ж, раз никто не хочет договариваться по-хорошему, придется воевать. Поднимаю руку:

– Внимание! У меня есть объявление! Дорогая... – намеренно делаю паузу, жду, когда все меня услышат, – мамочка!

Гости дружно поднимают головы, приглашенный на вечер музыкальный квартет тоже затихает. Мачеха настороженно замирает с бокалом в руке: она постоянно ждет от меня подвоха. С тех пор, как она вошла в наш дом и до сегодняшнего дня, я ни минуты не давал ей покоя. Не могу смириться, что отец при больной жене привел в дом любовницу, которую позже сделал своей супругой.

Ненавижу их! Всеми фибрами души ненавижу! Потому и в компании работать не хочу. Видеть самодовольное лицо папаши нет ни сил, ни желания.

Я поднимаю над головой пакетик с подарком и бегу к лестнице. Поднимаюсь на несколько ступенек, чтобы все хорошо меня видели. Отец тут же оказывается рядом.

– Эрик, ты что задумал? – шипит он, дергая меня за рукав и оглядываясь.

– Хочу поздравить с днюхой любимую мамочку.

– Слезь немедленно!

– Еще чего! Мамуля, разреши от всего сердца преподнести тебе это украшение. Как мне объяснили в магазине, оно предназначено для женщин, сильных духом.

– Bravo! Вот это сын! – выкрикивает кто-то из толпы.

Зал оглашается аплодисментами. Мачеха вынуждена сохранять лицо леди, поэтому поднимается по лестнице и становится рядом со мной. Она сверлит меня пронзительным взглядом, я отвечаю широкой улыбкой и показываю ей этот пакет.

– Спасибо, сынок, – сквозь зубы говорит она, протягивает руку, но я тут же прячу подарок за спину.

– Нет-нет, мамочка, позволь мне самому надеть на тебя подарок. Я хочу, чтобы вечером эта драгоценность была единственным твоим украшением.

– Да-да, Глафира Викторовна, просим, – зашумели гости.

– Любопытненько, что вам сын преподнесет.

Я поднимаюсь на ступеньку выше, так, чтобы оказаться за спиной мачехи, вытаскиваю кольцо и показываю зрителям. Зеленый жгут, покрытый чешуйками золота, тяжело ложится на руку. Я обвиваю им шею мачехи и вставляю хвост, усыпанный бриллиантами в распахнутую пасть змеи.

Гости ахают. С удовольствием наблюдаю, как вытягиваются лица.

– Что это? – мачеха ощупывает кольцо, потому что сама себя не видит.

Она пытается спуститься с лестницы, но я удерживаю ее на месте.

– Комплект не закончен, – вытаскиваю из ее ушей серьги и вставляю свои, потом прошу: – Дай мне руку.

Глафира протягивает кисть. Она все еще не понимает, почему в зале такая тишина. Тактичные гости разом замолчали и только переглядываются. Я надеваю мачехе на палец кольцо. Она опускает глаза и взвизгивает.

– Что это? Какая мерзость!

Слетает по ступенькам и бросается к зеркалу, в ужас рассматривает себя, потом срывает украшения и замирает: понимает вдруг, что за ней следит множество глаз. Тут же широко улыбается.

– Что ж, немного не в моем вкусе, но спасибо, сынок. Очень красиво. Твой презент займет достойное место в моей коллекции.

– Ты мелкий говнюк! – шипит отец, бледнея лицом.

Она кладет ладонь на грудь и начинает растирать ее. Неужели сердце болит? Но разве у каменного олигарха есть сердце? К бате подбегает наш вице-президент и спрашивает встревоженно:

– Борис Сергеевич, как вы?

– Убери от меня этого... – отец делает паузу.

– Ну, назови уже, кто я? Ублюдком был, говнюком тоже. Сыном – ни разу.

– Сопляк! Убирайся!

– С радостью! Мне нечего делать на чужом празднике жизни.

Разворачиваюсь и иду к выходу, радуясь, что наконец-то могу увидеть Лерку. Сюрприз для нее тоже готов, надеюсь, понравится.

Уговорить подругу на поездку к озеру оказалось не таким уж простым делом.

– Прости, Эрик, не могу, моя работа в уикенд оплачивается по двойному тарифу.

– У тебя вообще выходных нет? Как раздражает!

С досады хочется что-нибудь сломать, так руки и чешутся. Сегодня вообще день не задался. На дороге чуть не наехал на мальчишку. Откуда мелкий выскочил на красный свет, даже заметить не успел. А следом вылезла курица-училка и раскудаhtалась, словно ей мир на голову свалился, еще и телефоном угрожала. Связываться не захотел, иначе...

Как же бесят такие телки!

– Есть, но не в этот уикенд. Меня пригласили помогать на свадьбе.

Т-а-а-а-к! Кажется, бесчисленные подработки и смены Леры мешают моему счастью. Что ж, попробуем решить вопрос по-другому.

– Санек, можешь найти моей девушке замену? – звоню секретарю, пока любимая готовит кофе.

– Будет сделано, Эрик Борисович.

– Ищи так, чтобы она не догадалась.

Отец отлично разбирается в людях, вот и ко мне приставил толкового парня. Пока я улаживал Лерку, Санек решил вопрос с заменой. Телефонный звонок раздается в нужный момент. Лера разговаривает с начальством, мрачнеет лицом, хмурится, потом подозрительно смотрит на меня.

– Это твоих рук дело?

– А что случилось?

Прикидываюсь невинным барашком и прячу довольное лицо за краем кружки.

– Работа сорвалась. Нет, я могу еще пойти в кафе на углу, там требуется официантка на замену. Или...

– Или удели денек своему парню. Лера, ты напоминаешь мне скаковую лошадь: несешься вперед, не разбирая дороги, и остановиться не можешь.

– Кто лошадь? Я? Ах, ты... мажор!

Лерка бросается на меня с кулаками, я ловко уворачиваюсь, хватаю ее за талию, и вместе мы падаем на кровать. Яростная борьба заканчивается моей победой. Я нахожу сладкие губы и впиваюсь в них, словно хочу напиться божественного нектара.

Вот так всегда заканчиваются наши мелкие стычки. Вспышка эмоций, взрыв, а потом бешеная страсть. Любовь переполняет нас, льется из всех пор. И хотя моя девушка делает вид, что я у нее на последнем месте после родителей и бесконечных подработок, знаю: это не так.

Просто Лерка интроверт. Она тщательно скрывает свои чувства, боится изменить привычный образ жизни и по-настоящему отдаться сердцу. А еще думает, что наша любовь принесет всем несчастье.

– Может, она и права, но я не сдаюсь и готов бороться за нее да последнего вздоха.

Утром выезжаем к озеру.

– Куда ты меня везешь? – постоянно спрашивает Лера.

Я загадочно улыбаюсь: приятно осознавать, что делаю сюрприз.

– Скоро увидишь.

– Эрик, не люблю неожиданности. Лучше сразу скажи, к чему готовиться?

– Куколка, не гони лошадей!

Поворачиваюсь к ней и тянусь губами.

– Шальной! Смотри на дорогу! Я еще жить хочу.

Мы едем по дороге вдоль озера, паркуем машину у дальнего коттеджа. Тайком наблюдаю за лицом любимой. Напряженное и настороженное сначала, оно разглаживается, щеки розовеют, пухлые губы приоткрываются и превращаются в соблазнительную букву «О».

Больше выдержать не могу, срываюсь. Хватаю любимую за щеки и крепко целую. Она обмякает в моих объятиях, становится податливой, как воск. Мне это только и надо. Вот теперь можно и расслабиться.

– Как тебе?

– Потрясающе! Хочу купаться.

– Спятила? Конец мая. Вода еще холодная.

– Хочу!

– Может, чуть позже?

– Не-а, – Лера лукаво смотрит на меня и высовывает язык. – Сейчас.

Она бросается к сумкам, быстро вытаскивает купальник и исчезает в ванной. Я стою, растерянно глядя на бархатную коробочку, которую только что вытащил из кармана, потом сую ее назад. Эх, упустил такой романтический момент!

Лера хватается за руку и тянет к мосткам. Я притворяюсь, что сопротивляюсь, а сам прикидываю, как лучше сделать предложение. Встать на одно колено, поцеловать ей руку? Засмеет.

Лерка не тепличная барышня, а закаленная жизнью и проблемами девушка. Любое проявление ванильности ее пугает.

На мостках обнимаю ее и шепчу на ухо:

– Лера, солнышко, замри на минутку!

– Окей. Замерла. Что дальше?

Ее голос внезапно сипит, словно она чувствует волнение. Тело в моих объятиях напрягается и начинает мелко дрожать. Я крепче прижимаю Леру к себе, судорожно вдыхаю аромат ее волос.

– Лер, выходи за меня замуж, а...

Застываю в ожидании ответа, а Лерка молчит. Мягко плещется о мостки вода, щебечут птицы, в отдалении слышатся голоса людей. Я воспринимаю окружающий мир фоном, превратился в одно большое ухо, чтобы не пропустить важное «да, милый», или «хорошо», или «согласна».

– Эрик, не начинай эту песню снова, – наконец гортанно смеется Лера. – Где ты, и где я. Небо и земля. Я даже не представляю себя в твоём мире.

– Зато я в твоём прекрасно живу.

Лера поворачивается и проводит подушечками пальцев по горбинке носа, по губам. Морщусь: щекотно. В зеленых глазах любимой золотыми крапинками играет солнце. Я невольно люблю эту красотой, которая затмевает сейчас и озеро, и зелень, и теплый день.

– Эрик, в моем мире ты только появляешься, как красно солнышко. Жить в нем – это немного другое.

– Ну, вот! – складываю обиженно губы. – Я к тебе со всей душой, а ты... Даже кольцо прикупил.

– Милый... какой же ты у меня невинный ребенок, – Лера улыбается уголками губ. – Капризный, избалованный, эгоистичный ребенок.

Она легко целует меня. Я сразу вытаскиваю из кармана коробочку, ловлю момент, пока Лера настроена на романтику. Открываю крышку и прошу:

– Дай мне твою руку.

– Спятил?

Лерка прячет руку за спину, отталкивает меня и бросается в воду.

– Стой! Это опасно! – кричу ей и прыгаю следом.

Коробочка выскальзывает из пальцев, падает на мостки и исчезает. Но мне не до нее. Мощными гребками я раздвигаю толщу воды и быстро догоняю Лерку. Как она ни сопротивляется, разворачиваю ее к берегу.

– Отстань от меня! – задыхаясь, фыркает она. – Что за тотальный контроль? Это похоже на одержимость. Даже поплавать в свое удовольствие не даешь.

– Какое удовольствие? Ты себя видела? Губы синие, вода ледяная.

– Вот и н-надо б-было остудить твой п-пыл.

Помогаю Лере забраться на мостки. Она дрожит от холода, стучит зубами.

– Это опасное озеро. В центре – провал. Затянуть может. Знаешь, как я испугался. Б-р-р, холодно! Побежали в бунгало.

Подхватываю легкую Лерку на плечо и несусь к домику. Несусь – громко сказано, загребая ногами по песку, но, набычив голову, упрямо двигаюсь вперед.

Мы забираемся вдвоем в душевую кабину, согреваемся под струями горячей воды. Я не могу отвести взгляда от моей любимой, с трудом подавляю первобытное желание вцепиться зубами в ее кожу и на всю жизнь оставить метку.

Лера заводится с полуоборота. Не отрывая от меня хитрого взгляда, она медленно ведет мочалкой по внутренней стороне бедра. Я как замороженный слежу за ее движениями.

– О боже, Лерка! Что ты со мной делаешь?

– А ты со мной?

Она гортанно смеется, я запускаю пальцы в волосы любимой и впиваюсь в ее рот, захватываю сначала одну губу, потом другую. Лерка отстраняется.

– Блин, у тебя такие вкусные губы!

– Только губы! – дразнит меня Лера.

– Не только, моя конфетка. Я весь твой.

Подхватываю ее под бедра, прижимаю к стене, Лера с всхлипом откидывает голову, обнимает меня за торс ногами и отдается жадно, с наслаждением.

Глава 6. Арина

Матвей... Сколько себя ни помню, он всегда был рядом.

Мы познакомились с ним еще в детстве, жили на соседних улицах, учились в одной школе, но в разных параллелях: Матвей был старше меня на два года.

Маленький и плаксивый ботаник Мотя в выпускном классе вдруг занялся спортом, вытянулся, возмужал и перестал дергать меня за косички. Просто подошел однажды, подхватил мой рюкзак и небрежно кинул через плечо:

– Догоняй!

Вот с того дня и бегу за ним, боюсь отстать даже на шаг. Мне завидовали все девчонки. Подружки, Лена и Соня, все уши прожужжали о том, как мне повезло с кавалером.

– Ринка, ты такая счастливая! – мечтательно вздыхала Лена. – Вот бы мне найти такого парня.

– погоди, ты же с кем-то встречаешься.

– И что? Если найду такого, как твой Матвей, не задумываясь, нынешнего брошу.

– Вот шальная! – качала головой более уравновешенная Соня. – Как же, золотые мальчики на дороге не валяются. Держись за того, кто есть. В нашей стране по статистике на десять девчонок приходится девять парней.

– Ой-ой-ой! Так уж и девять?

Спор, как всегда, заканчивался ссорой. Каждая подружка оставалась при своем мнении, а я сидела тихонько в сторонке и улыбалась про себя: я своего принца уже нашла.

Вот только мама Матвея меня не принимала. Еще бы! В ее мечтах любимый сыночек был женат на богачке, а не на простой учительнице начальных классов из одноэтажного квартала города. Она сама мечтала выбраться с помощью сына из гиблого района, а он, наоборот, словно приклеился к нему.

– Оставь в покое моего сына, – каждый раз шипела она, когда видела меня. – Не по Сеньке шапка.

– Не могу, Алевтина Николаевна, – тихо отвечала я. – Люблю его больше себя.

– Вот и не порти парню жизнь, люби на здоровье, но на расстоянии.

– Но ведь и Матюша меня любит.

А с этим обстоятельством Алевтина Николаевна ничего не могла поделать. Матвей не желал знать о дочках маминых знакомых, с которыми она периодически устраивала свидания на домашней кухне.

Воспоминания поднимают настроение. Я вскакиваю с кровати и бегу в душ.

Пока Матвей учился в медицинском вузе, я была рядом. Прибегала к нему между своими уроками и лекциями, помогала писать курсовые работы, искала материал для семинаров, что-то печатала, готовила еду. Бывало, засыпала на диване в его комнате, пока он всю ночь зубрил анатомию или учился накладывать сложные швы.

Моя мама только головой качала.

– Спятила ты совсем, Аринка, от своего Матвея. Неужели не видишь, что такая свекровь, как Алевтина, не даст вам жить спокойно.

– А я ее завоюю, – смеялась я и обнимала маму.

Она вырастила меня одна. Своего я отца я не знала. Соседки говорили, что это был залетный красавчик, который вскружил юной девушке голову, сделал ребенка и скрылся в туманных далах. Я благодарна маме, что она не струсилась, не сделала аборт, а дала мне жизнь, любовь, а потом и образование.

Постоянное напряжение, хроническая усталость и высокое давление завершились маминым инсультом. Мне пришлось совмещать учебу в институте с подработками, так как лечение

стоило дорого. И вот тут Матвей показал, что может быть преданным и верным другом. Он помогал мне, даже временно, несмотря на протесты своей семьи, переселился в мой дом. Мы вместе переворачивали маму, ухаживали за ней. Она сначала стеснялась, плакала, запрещала ему приближаться к кровати, а потом привыкла, стала воспринимать как сына.

Сейчас она уже хорошо ходит и говорит, но приволакивает левую ногу, а в руке с этой же стороны не может носить сумки: непослушные пальцы разгибаются сразу, как только чувствуют тяжесть.

Глаза наполняются слезами. Чтобы я делала без помощи Матвея? Я готова за него отдать жизнь, а парочка недополученных оргазмов вообще роли не играет. У нас впереди еще длинная история.

Растираюсь полотенцем и наблюдаю в окно, как Матвей суетится возле стола: насаживает мясо на шампуры, разжигает огонь. Делает все неумело, но старательно. Натягиваю джинсы, футболку и бегу к нему.

– О, ты пришла, – улыбается любимый. – Помогать не собираешься?

– Обязательно. Так, где мне помыть овощи?

Оглядываюсь.

– Здесь везде вода, – смеется Матвей.

– Точно!

– Но мыть в ней не советую, можно любого паразита проглотить.

– Фу, какая гадость!

Вываливаю помидоры, огурцы и зелень из пакетов в пластиковый тазик и мою водой, привезенной с собой. Потом нарезаю их, красиво раскладываю на блюде, накрываю стол. Кажется, все в порядке. Шампанское в ведерке со льдом, нашелся целый пакет в морозилке домика, хлеб в корзинке, прикрытой салфеткой, майонез и кетчуп смешаны в равных пропорциях, острые салатки из капусты, моркови и спаржи разложены по тарелкам. Но чего-то все же не хватает.

Хмурюсь, пытаюсь понять, о чем забыла.

– Вот дураха! – хлопаю себя по лбу. – Цветы!

Ну, не упрекать же Матвея, что он их не купил.

Срываюсь с места и бегу к берегу. Там, у самого края я видела кувшинки.

– Ты куда? – кричит вслед Матвей.

– Я сейчас!

Но добраться до цветов невозможно: слишком далеко они от берега, зато нос улавливает нежный аромат ландышей. Оглядываюсь и замечаю зеленую полянку листьев, над которыми возвышаются крохотные белые колокольчики.

– Вот вы куда спрятались, – шепчу им.

Только приседаю, как меня толкают в спину. Я теряю равновесие и чуть не падаю лицом в землю.

– Что за? – выкрикиваю и оборачиваюсь.

– Что расселась на дороге? – презрительно кривит губы рослый парень с короткой стрижкой и кричит: – Лера, ты где? Ну, не дури, возвращайся! Я пошутил.

Он смотрит куда-то в кусты. Приглядываюсь: между ветками мелькает светлое девичье платье.

– А повежливее нельзя?

– Свали, дура!

Его грубоватый, с характерной хрипотцой голос и быстрый синий взгляд из-под густых бровей кажутся знакомыми. Но сразу вспомнить не удастся. Парень срывается с места и исчезает в лесу.

– Идиот! – ворчу я.

Что-то неладно в этой красивой паре. Второй раз за час вижу их ссору. Или это еще первая не закончилась?

Но даже этот маленький инцидент не портит мне настроения. Подумаешь! Много на земле придулков. Срываю ландыши один за другим, выбираю самые крупные, а они растут у самой воды. Тянусь за стебельком, и рука натывается на что-то гладкое и шелковистое, словно шерстка.

– Ай!

Испуганно отдергиваю пальцы, ландыши падают на землю, даже в ушах шумит от страха. Что это? Крыса? Мышь? Сердце ухает где-то в горле, хотя самой уже смешно. «И чего испугалась, дуреха?» – появляется первая мысль.

Раздвигаю высокие листья: у самого берега качается на волнах синяя бархатная коробочка с золотым логотипом известного ювелирного салона на крышке. Удивленно смотрю на нее, не смея прикоснуться, потом окидываю взглядом деревья – никого.

И тогда поднимаю футляр.

Долго держу коробочку в руках, не решаясь открыть. Кто разбрасывается такими вещами? Хотя... что это я? Может, это пустой футляр, выкинутый за ненадобностью. Вспоминаю слова Матвея о том, что люди приезжают в это место с определенной целью.

– Вот дуреха! – смеюсь над собой и выбрасываю футляр.

Собираю ландыши в красивый букет и выпрямляюсь, но синяя коробочка так и манит, так и притягивает взгляд.

А что, если...

Любопытство побеждает осторожность.

Решительно хватаю футляр, поднимаю крышку и замираю от восторга: в центре подушечки красуется обручальное кольцо невероятной красоты. Огромный бриллиант окружен россыпью камней поменьше. И все это великолепие сияет в лучах солнца и слепит глаза.

– Черт!

Захлопываю коробочку и бросаю ее в ландыши, словно она обжигает ладони.

– Что, красивое? – раздается сзади насмешливый голос.

Резко оборачиваюсь: скандалист стоит, оперевшись на толстую березу и, прищурив синие глаза, смотрит на меня.

– Ой, простите. Это ваше? Я не хотела трогать, – смущаюсь от неловкой ситуации. – Думала, кто-то потерял.

– Нравится? Так, оставь себе. Моя девушка отказывается от такого подарка.

– Еще чего! – вспыхиваю. – Сами разбирайтесь. Я тут никаким боком.

Прижимаю ландыши к груди и бегу к своему домику, а состояние такое, словно меня за воровством поймали.

– Ты ушла и пропала, – качает головой Матвей. – Мясо уже почти готово.

– Ой, какой ужас сейчас пережила! Наткнулась на мажора.

Рассказываю любимому о происшествии. Он удивленно качает головой.

– И чего сглупила? Надо было забрать кольцо себе. Представляешь, сколько оно может стоить?

Прагматичность и расчетливость Матвея в очередной раз шокирует. Я обиженно поджимаю губы:

– Мне чужого не надо.

– Эх, Аришка! Ты у меня слишком правильная. Есть вещи, от которых грех отказываться.

Его слова расстраивают меня. Меркантильность у Матвея от матери. Он хоть и сдерживается, но нет-нет, а постулат, впитанный с молоком, прорывается на уровне подсознания.

Матвей вытирает руки, берет меня за локоть и тащит к коттеджам.

– Показывай, какой засранец испортил настроение моей любимой? Я с ним разберусь.

– Матюша, не надо. Не обращай внимания. Он, кажется, поспорил с девушкой, бежал за ней, а тут я на дороге попалась.

Я целую любимого и умильно заглядываю в глаза. Выражение его лица на глазах меняется, напряжение исчезает. Матвей никогда не был героем, и его напускная бравада не идет дальше слов.

Наконец все готово, мы садимся к столу. Солнце уже спускается к горизонту, окрасив верхушки елей багровым закатом. Последние лучи проникают сквозь плотный строй деревьев и золотят листву, расцветивают росу на траве. От озера веет прохладой.

Матвей набрасывает мне на плечи плед, разливает по бокалам шампанское, поднимает свой:

– С годовщиной, любимая!

Звон стекла ласкает слух. Мы сидим под куполом света, льющегося из фонаря на крыше, а вокруг – таинственная темнота. Атмосфера наполняет сердце ожиданием чего-то важного и торжественного. Не могу отделаться от мысли, что сейчас судьбоносный момент, и волнуюсь.

– С годовщиной, любимый.

– Спасибо тебе, дорогая.

– За что? – удивленно поднимаю брови.

– За то, что всегда была рядом, поддерживала, утирала слезы и сопли, не позволяла раскисать в минуты отчаяния.

Чувствую, как щеки заливают краской. От смущения теряюсь, не знаю, что сказать, только бормочу:

– Ну, что ты... любая на моем месте... я все для тебя сделаю...

– Ты, Ариша, не любая. Ты любимая, – Матвей протягивает руку ладонью кверху, я вкладываю в нее свои пальцы. – Ты выйдешь за меня замуж?

О боже! Мое сердечко замирает и вдруг срывается с места, как сумасшедшее. Наконец-то те слова, которые я жду последние годы, произнесены. Глаза наполняются слезами, из-за их колеблющейся пелены силуэт Матвея размывается, бледнеет.

– Да, – хрипло выдавливаю из себя. – Да, – повторяю уже громче.

Матвей вытаскивает из кармана коробочку, раскрывает ее. Я смотрю на колечко с маленьким бриллиантом, и он мне кажется самым прекрасным камушком в мире, потому что от его сияния даже зажмуриваюсь.

Любимый надевает кольцо мне на палец. Я люблюсь им, не могу наглядеться, а потом вскакиваю и бросаюсь к Матвею на шею.

– Спасибо, дорогой. Какой же ты у меня замечательный!

Утром мы долго валяемся в постели, пьем шампанское, наслаждаемся тишиной, покоем и друг другом. Днем загораем и купаемся. Рядом с нами плещутся и другие отдыхающие, веселый смех доносится из каждого уголка кемпинга.

– Ты кого-то ищешь? – спрашивает меня Матвей, когда я в очередной раз оглядываюсь.

– Странно, но вчерашней пары нигде не видно, – пожимаю плечами я.

– Дался тебе этот мажор!

– Нет, просто влюбленные были такими счастливыми, а сейчас пропали.

– Ну, и бог с ними!

Но я с Матвеем не согласна, потому что счастлива и очень хочется такого же незамутненного счастья для всех.

– Я сейчас.

Срываюсь с места и бегу вдоль кромки воды. Коробочка. Надо проверить, лежит ли она в ландышах.

– Арина, ты куда? – запоздало реагирует Матвей.

– Жди меня! Я быстро.

Так, я была здесь. Оглядываюсь, потом раздвигаю траву. Куда же я бросила футляр? Внимательно осматриваю всю полянку, но коробочки нигде не видно. Это обстоятельство и радует, и огорчает. Радует потому, что скандальный мажор все же забрал кольцо. А почему огорчает, и сама не понимаю. Но на душе становится легче.

Возвращаюсь на пляж, Матвея нигде нет. Обиделся. Бегу к домику: любимый возится у машины. Обнимаю его со спины, прижимаюсь щекой к теплой коже, втягиваю родной запах.

– Давай собираться, к вечеру дождь обещали, – ворчит он. – А у нас тормоза барахлят.

– Окей! Я мигом!

Быстро переодеваюсь, бросаю вещи в сумку и обвожу взглядом уютное гнездышко, где была так счастлива. Совсем не хочется возвращаться домой, но надо. Я поглядываю на колечко и предвкушаю, как буду рассказывать маме о сюрпризе Матвея.

Гроза застает нас на подъезде к городу.

– Ох, как не вовремя! – вздыхаю я.

– Ничего, доедем, – улыбается любимый.

Струи дождя хлещут по крыше, стекают сплошным потоком по лобовому стеклу, дворники едва справляются с водой. С люка капает, молнии сверкают, гром грохочет, а мне хорошо. Сердце так и рвется навстречу ветру и ливню.

– Ничего себе, погода разгулялась!

– Ага, видимость нулевая, – отвечает Матвей, не отрывая взгляда от дороги.

– Может, переждем? Или поедем медленнее?

– Я и так едва ползу. Осталось чуть-чуть, уже пригород.

Действительно, мы едем по промокшим улицам. Пусто. Редкие машины обгоняют нас, а людей и вовсе не видно. Мелькают желтые квадраты окон, сквозь пелену дождя с трудом можно разглядеть витрины. Кажется, только что был торговый центр, но какой, не поняла.

А теперь дальний свет выхватывает перекресток. Мерседес останавливается на светофоре. Четыре дороги теряются в стене дождя. С одной стороны видны красные фонарики, вытянутые в линию невысоко над землей, за ними стройка. Рядом – автобусная остановка.

А это что?

На скамейке сидит кто-то в белом. Приглядываюсь – женщина. «Что она делает в такой ливень на улице?» – мелькает вопрос.

Но тут же забываю о случайном видении. Выставляю руку перед собой и люблюсь бриллиантом: ни в какое сравнение он не идет с тем уродливым камнем, который я нашла в лесу.

– Я тебя люблю, – наклоняюсь и заглядываю Матвеем в лицо.

– Я тебя тоже.

– Нет, не верю! – заигрываю я и кладу руку любимому на колено, шевелю пальцами, еду по внутренней стороне бедра вверх.

– Аришка, уймись! – смеется он.

– А если так? – забираюсь рукой под рубашку.

– Щекотно! – хохочет Матвей.

Машина трогается, сворачивает. Вдруг боковым зрением улавливаю движение на углу. Кто-то длинный в красном размахивает руками.

– Ой, смотри! Что это? – дергаю Матвея.

Он бросает взгляд на окно и мгновенно выворачивает руль...

Глава 7. Арина

И тут начинается ад.

Машину заносит. Она волчком крутится на перекрестке, разбрызгивая потоки воды. Меня бросает на окно, на приборную доску, на Матвея. Успеваю выхватывать взглядом дома, остановку, забор, красные фонари... И в обратном порядке, фонари, забор, остановка...

Кричу, пытаюсь ухватиться за что-нибудь, но пальцы не находят опоры.

Все смешивается в хаотичном верчении.

– Держ-и-и-и-сь!

Истеричный вопль Матвея встряхивает меня, наконец цепляюсь за ремень, но поздно: приборная доска несется мне в лоб. От удара искры сыплются из глаз. Фары дальнего света из темноты выхватывают какие-то кучи мусора, ветки, бумажки, и это дерьмо несется в лобовое стекло.

– Н-е-е-е-т! Там...

Мерседес летит на остановку, чудом не задевает столб бампером, сминает цепочку фонариков, слышу, как они с хрустом лопаются под колесами, врезается в строительные бочки. Одна поднимается в воздух.

– А-а-а...

Я закрываюсь руками. Удар, еще один... проваливаюсь во тьму...

Прихожу в себя от резкого запаха нашатырного спирта. Отшатываюсь, стукаюсь затылком о подголовник, поднимаю веки. Сначала ничего не могу разглядеть, но туман рассеивается и сквозь мутную пелену проявляется лицо Матвея. Оно белым пятном приближается ко мне.

– Вот и хорошо. Ну, и напугала ты меня, Аришка!

Матвей притягивает меня к себе. Я всхлипываю, понимаю, что машина стоит, а мы живы и даже почти целы, и плачу уже навзрыд. Стресс выходит наружу слезами и истерикой. Любимый поглаживает меня по голове, потом целует в лоб.

– А ты? – сквозь пелену слез разглядываю его, повреждений и ран не вижу.

– Со мной все хорошо, правда, адреналин все еще шумит в ушах.

Он смешно трясет волосами, откидывает их пятерней, я тоже улыбаюсь уголками губ, хотя еще до конца не верю, что мы избежали смерти.

И тут вспоминаю...

– А человек в красном? С ним все в порядке?

Матвей смеется и ладонью очищает вспотевшее стекло.

– Это не человек, присмотришься.

Вытираю слезы: действительно, на углу стоит аптека, а возле входа колышется на ветру дутая фигура резинового зазывалы. Из-за плохой видимости его легко можно перепутать с человеком, размахивающим руками.

– Но я думала, – больше ничего не могу сказать от шока.

– Вот и я подумал.

– А девушка? – быстрый взгляд на остановку – пусто.

– Какая девушка? Где?

– Сидела на скамейке.

– Там никого не было, – Матвей опускает стекло и вглядывается сквозь струи воды.

– Но мы с чем-то столкнулись. Я помню удар.

– Это была чертова пустая бочка со стройки. Она фару разбила и трещину на лобовом стекле сделала.

– Ой! – провожу пальцем по стеклу, расстраиваюсь. – Вот достанется от мамы!

– Не бойся, я быстро его заменю.

– Правда? – трогаю лицо, на пальцах след крови. – Спасибо тебе, дорогой, – оглядываюсь на остановку. – Но ты все же проверь. Мне спокойнее будет.

– Сначала я тебе окажу помощь, – Матвей открывает аптечку.

– Нет, ты проверь, – упрямо стою на своем. – Я видела на остановке женщину.

– Тебе показалось. Ты же перепутала рекламную фигуру с человеком.

– Матвей, я прошу тебя.

Любимый недовольно хмурится, но выходит и через секунду пропадает из глаз. Только сейчас я чувствую, что трясусь. Дрожит все тело, зубы выбивают чечетку, пятки стучат о пол, соревнуются с ритмом ливня.

Дверь открывается, Матвей, разбрызгивая капли, плюхается на сиденье. За несколько минут он промок насквозь.

– Все в порядке, никого нет, – глухо говорит он и тянется к рулю. Его пальцы подрагивают, он замечает мой взгляд и с силой растирает ладони. – Замерз.

Протягиваю ему полотенце.

– Точно никого?

– Ты мне не доверяешь?

– Не сердись, дорогой, я волнуюсь. Может, полицию вызовем? Мы же сломали ограждение.

– Не придумывай, – резко отвечает Матвей и заводит мотор. – Хочешь, чтобы я в кутузку попал?

– За что?

– За следы алкоголя в крови.

– Но мы пили шампанское днем, оно должно уже выветриться.

– Лучше не рисковать. Поехали, пока нас никто не видел.

Мерседес трогается с места. Я внимательно смотрю на жениха: мне кажется, или он нервничает? Забыл даже, что хотел обработать мою ссадину.

Достаю из аптечки обеззараживающую салфетку, прикладываю ее к брови.

– Прости, – Матвей косится на меня, но не останавливается. – Давай доедем до дома, там я займусь твоей раной.

Я согласно киваю, больше не хочу оставаться на улице. Мы договариваемся, что не будем рассказывать родителям и расстраивать их. Машину загоняем в гараж, Матвей сразу вызывает такси. Меня немного царапает его поведение, словно жених хочет от меня избавиться, но усталость берет свое: прихожу домой и сразу падаю в постель как подкошенная.

Утро понедельника встречает солнцем и теплом. Гроза, приключение на дороге и стресс остаются позади.

– Арина, что с твоим лицом? – спрашивает мама за завтраком, разглядывая лейкопластырь на лбу и хмурия брови.

– Ой, глупая ситуация! – смеюсь я. – Матюша жарил шашлыки, я крутилась рядом, уголек отлетел и прямо на меня.

– Как же вы так неосторожно?

– Ничего, до свадьбы заживет. Смотри, – торжественно показываю ей руку. – Мне предложение сделали.

– О боже! Наконец-то.

Мама внезапно заплакала. Я переполошилась, стала ее успокаивать и сбежала на работу, чтобы не обсуждать свадебные вопросы.

Сегодня последний учебный день. Мои первоклашки пришли в школу нарядными и веселыми. Мы сдавали в библиотеку учебники, прощались с исписанными тетрадками, потом праздновали наступление летних каникул. Я радовалась вместе с ними, болтала с родителями, с которыми сдружилась за год. Мама Насти заметила обручальное кольцо.

– Арина Романовна, вы выходите замуж? – громко спрашивает она.

Все родители тут же ставят чашки и поворачиваются ко мне. Я понимаю их тревогу. Следом за замужеством, как правило, идет беременность, роды и длительный декретный отпуск, а значит, их детям придется менять учителя.

– Да, выхожу, – гордо задираю подбородок, – но еще не определились с датой свадьбы, – и, чтобы прекратить неловкие расспросы, вскакиваю с места и зову детей: – Ребята, давайте поиграем!

По дороге домой вспоминаю о старичке Мерседесе. О нем мы так и не успели позаботиться. Осматриваю его в гараже и с удивлением обнаруживаю, что он почти не пострадал. Но все равно еду в автомастерскую и ставлю машину на ремонт. Не хочется огорчать маму, которая дорожит этим раритетом, как последней памятью о своем отце.

– Заодно и тормоза проверьте, – прошу слесаря, – что-то не нравится, как они работают.

– Будет сделано.

Мастер протягивает листочек с ценой, у меня глаза лезут на лоб.

– Так много?

– Могу сделать дешевле, – слесарь с видом заговорщика оглядывается и придвигается ко мне, – но частным порядком.

Он зачеркивает сумму и рисует другую, в два раза меньше. Я радостно киваю.

Несколько дней пролетают незаметно. Они заполнены приятными хлопотами, встречами с Матвеем и бесконечными планами на будущую жизнь. Иногда мне кажется, что жених излишне нервничает. Он стал каким-то дерганым, постоянно оглядывается, больше пропадает в больнице, чем дома.

– Вот! Твой Матюша – истинный мужик! – делает вывод Сонька, когда я встречаюсь на девичнике с подружками. – Сделал предложение, а теперь уже пожалел.

– И ничего он не жалел, – обижаюсь на нее я. – Волнуется, он еще с родителями не поговорил.

Да, это была вполне объяснимая причина, хотя и обидная: таяло впечатление от красивого предложения.

Наконец Матвей созрел.

– Сегодня ужинаем у моих, – заявил он по телефону. – Будь готова.

Радостное возбуждение от встречи с родителями жениха переполняет меня весь день. Свадьба, еще недавно казавшаяся такой далекой, вдруг приобретает реальные очертания. Тайком от мамы я разглядываю белые платья в каталогах, прикидываю их стоимость, звоню в салоны и агентства, занимающиеся подготовкой торжества.

После школы еду за машиной, которую сегодня должна забрать из ремонта.

Мерседес выглядел как новенький. Я расплатилась с мастером, ласково провела по гладкому боку, про себя поблагодарила старого коняку за спасение на дороге и поехала за Матвеем. Он одобрительно крикнул, увидев машину, и схватил меня в охапку.

– Ты кому так обрадовался: мне или машине? – подозрительно смотрю на жениха, ожидая подвоха.

Только что он стоял с хмурым лицом, словно обижался на что-то, и вдруг такое оживление.

– Конечно, тебе, любимая! – смеется Матвей и садится за руль.

– Ну, ладно, прощаю, – подставляю губы для поцелуя.

– Я же сказал, что сам поменяю стекло и фару, – упрекает меня Матвей.

– Хотела сделать тебе приятное!

Визит к родителям проходит без сюрпризов. Алевтина Николаевна, как всегда, сидит с недовольным лицом и старательно игнорирует меня, Григорий Степанович, отец Матвея, вежлив и приветлив. С ним у нас полная гармония и взаимопонимание.

– Все же захомотала моего сына, – шипит мать, когда я в кухне мою посуду после ужина. – Ну, ты и прилипчивая девка!

– Алевтина Николаевна, клянусь, я буду любить вашего Матюшу всем сердцем, – я чмокаю ее в щеку. – И внука вам рожу, может, и не одного.

– Ты беременная? – в голосе будущей свекрови слышится ужас.

Беднягу даже передергивает от отвращения, но мне все равно: мы уже решили с Матвеем: не будем жить с родителями, не станем обращаться к ним за помощью. Снимем квартиру, постараемся сами встать на ноги.

– Мой Матюша так много учился, – начинает старую песню Алевтина Николаева, – работу хорошую получил, а тут ты на дороге.

– Я очень за него рада, мама, – говорю и наблюдаю за реакцией. Свекровь столбенеет от моей наглости. – Но я тоже не на помойке родилась. Окончила институт, работаю в школе.

Старательно тру тарелки, а в голове крутится: «Не заводись! Держи себя в руках. С этой женщиной придется подружиться».

– Ему карьеру нужно строить, а не жениться. Правду говорят, ночная кукушка дневную перекукует.

– Я обязательно его поддержу, всеми силами.

Бросаю быстрый взгляд на вход, хотя бы Матвей пришел. И проведение словно слышит мою просьбу: в кухню заглядывает отец Матвея.

– Аля, ну, что ты пристала к девочке? Оставь молодых в покое, за них жизнь не проживешь.

– Но... как же...

– О такой невестке, как Ариша, только мечтать. Заботливая, вежливая, старательная, профессия достойная. Не девушка, а чистое золото.

– Скажете тоже! – заливаюсь краской я.

– Много ты понимаешь в невестках! – сердится Алевтина Николаевна. – Может, она тебе как мужику нравится?

– Вот дура баба! Ариша, не слушай мать! – он подмигивает мне и машет рукой. – Неси чай, торт пробовать будем.

Такие разговоры у нас случались часто, я уже привыкла к ним, не так остро реагировала, как раньше, но все равно неприятный осадок где-то в глубине души остался.

– Опять мать села на любимого конька, – сзади подходит Матвей, забирает из рук тарелку и поворачивает меня лицом. – Ты не обиделась?

– Нет, что ты! Не понимаю только, почему она на меня так взъелась?

– А, забей! Она слишком сильно любит меня. Я от этой гиперопеки уже свихнусь скоро. Иногда жалею, что нет братьев и сестер. Готов хоть сегодня сбежать из дома.

– Ни в коем случае! – шутиливо пугаюсь я. – Не хочу отвечать еще и за твой побег.

– Завтра подаем заявление в загс. Ты согласна?

Еще бы! Даже и спрашивать не надо. Я никого рядом с собой представить не могу. С тех пор, как мы вместе, мужчины перестали для меня существовать как вид.

Матвей сел за руль и отвез меня домой. Мы долго прощались: сначала на крыльце, потом в подъезде, в лифте, у двери квартиры, но никак не могли расстаться.

– Я переночую у тебя, – шепчет любимый.

Матвей быстрыми поцелуями ласкает мою шею, спускается ниже, расстегивает пуговички на лифе платья, подхватывает за бедра.

– Спятил? Ты что делаешь? – легонько шлепаю его по рукам. – Соседи увидят.

– А мне плевать, – его дыхание становится частым и шумным. – Хочу тебя, Аришка.

Жених толкает меня к подоконнику, одним движением сажает на него, раздвигает бедра и поднимает юбку. Сам расстегивает ремень.

Но я желания не чувствую, наоборот, от напряжения и тревоги покрываюсь потом. Не на шутку пугаюсь: напротив вижу дверь в соседнюю квартиру, где живет баба Галя, первая сплетница подъезда. Уже назавтра о моем недостойном поведении будет судачить весь двор. Слухи дойдут и до мамы. А если у нее случится новый приступ?

– Нет, Матвей! Нет!

Получается громко. Одергиваю юбку и спрыгиваю на пол.

– Ну, Ариша! – канючит он. – Так нечестно. Завела меня, а теперь сбегашь.

– Завтра тебе рано на смену. Иди уже!

– Ну, Ариша.

– Скоро мы будем всегда рядом. Иди!

Вызываю Матвею такси и насильно выталкиваю из подъезда. Провожая его глазами, полными слез. Сердце переполняет любовь и нежность.

«Скоро, совсем скоро нам не придется расставаться. Нужно потерпеть несколько недель», – с этой мыслью и засыпаю. Утром долго нежусь в постели. Сегодня никуда торопиться не надо. Так хорошо!

«А если проехаться с мамой по салонам?» – внезапно появляется мысль. Она давно не выезжала из родного района, не была в торговых центрах. Дом, гастроном на углу, детский садик в соседнем дворе, где она работает воспитателем, – вот и все развлечение. У нее сегодня выходной, как раз вовремя.

– Мамочка, собирайся, – тормошу ее. – Мы устроим с тобой девичник.

– Арина, может, не надо сейчас деньги тратить? – не соглашается она.

– Надо, еще как надо! Я отпускные получила, а на свадьбу Матвей откладывал.

Мы наряжаемся и выходим во двор. Мерседес ждет нас у подъезда, но возле него крутятся двое мужчин. Один, высокий, худощавый парень лет тридцати, сидит возле фары и что-то прикладывает к ней. Второй, низкорослый пухляш, стоит рядом.

– Что вы делаете? – кричу. – Я полицию вызову!

– Мы и есть полиция, милая леди, – говорит пухляш и протягивает удостоверение. – Это ваш автомобиль?

Неприятное чувство тревоги рождается в груди, начинает расти и шириться, и скоро перекрывает дыхание.

– Да, мой, – хрипло выдавливаю из себя.

– Пройдемте с нами...

Глава 8. Эрик

Даже бурный секс не изменил решение Лерки. Она наотрез отказалась принять мое предложение.

– Эрик, я не верю, что твой отец согласился на наш брак, – упрямо твердит она.

– Какая разница? Мы любим друг друга, остальное ерунда.

– Хорошо. Мы поженимся, а что дальше? Будем жить на съемной квартире, считать копейки? С милым рай в шалаше только в сказках бывает. Неустроенный быт мгновенно уничтожит самые искренние чувства.

– Лерусь, не нагнетай! – пытаюсь перевести все в шутку. – Не попробуешь, не узнаешь. И потом, у меня есть деньги, на десять жизней хватит.

– О боже! – Лерка грустно улыбается. – Это сейчас есть. Но, как только ты пойдешь против отца, он тебе быстро кислород перекроет.

– И что? Начну работать. Зря я что ли на управленца учился.

– Да кто тебя без опыта работы примет на должность босса?

– Лер, ты усложняешь.

Я вообще не видел проблем в нашей ситуации. Кроме отца, есть еще масса богатых друзей, которые выручат, не задумываясь, если надо, возьмут на работу.

Но Лера стояла на своем. Я решил не портить отличный вечер и отложил уговоры на воскресенье. Но и на следующий день любимая не сдалась. Она приводила все больше доводов, отказывалась экспериментировать, потому что боялась, что мой отец отыграется на ее семье.

В результате мы поссорились. Лера заявила, что, если я не закрою тему замужества, она вернется в город. Я зарыл, но атмосфера праздника была окончательно испорчена. Полдня мы провели в разных местах кемпинга. Лера не вылезала из воды, познакомилась с отдыхающими и болтала с ними, игнорируя меня. Я же наведалься в ландыши за футляром с кольцом. Только скрылся за деревьями, как увидел вчерашнюю девчонку. Она присела и стала шарить руками в листьях.

«Брюлик покоя не дает, – усмехаюсь про себя. – Выкуси! Нечего руки к чужому добру тянуть!»

Разворачиваюсь в сторону кемпинга, и тут девушка выпрямляется. Я прячусь за деревом и боковым зрением ловлю ее улыбку. Она освещает простоватое лицо и делает его совершенно необыкновенным. Невольно люблюсь высокими скулами, пухлыми губами, ровными, словно нарисованными бровями.

«Надо же, красotka! – делаю неожиданный вывод. – Но моя Лерка в сто раз лучше».

Я еще долго провожаю девушку взглядом, отмечаю тонкую талию, длинные ноги, выглядывавшие из коротких шорт, горделивую осанку. Незнакомка исчезает за кустами, а впечатление чего-то волшебного остается.

Назад возвращаюсь с улыбкой во весь рот. Ничего! Это сейчас Лерка сопротивляется, но я обязательно сломаю ее упрямство, один способ уже рождается в голове.

На пляже любимую не обнаруживаю. Бегу к домику.

– Лера, я соскучился! – кричу, врываясь в комнату, но меня встречает тишина.

Прислушиваюсь – ни звука. Заглядываю в ванную, кухню, на задний дворик – никого. Что за чертовщина? Неужели ушла в гости к новым знакомым?

Выскакиваю из дома, бегу на пляж. Молодая пара, с которой Лера разговаривала всего пятнадцать минут назад, по-прежнему там.

– Где Лера? – с ходу спрашиваю девушку.

– Ушла, – хмурится она.

– Куда?

– Э, бро! – вскакивает с песка ее парень. – Сбавь на тормозах. Ты как разговариваешь?
– Отвали! – толкаю его, он плюхается на зад, смотрю только на его подружку. – Куда ушла?

– Сказала, что ей пора возвращаться в Москву, – теряется девушка.

– Ты, мудило! – вопит ее парень. – Урою!

Но я не обращаю на него внимание, несусь к домику. Действительно, вещи Лерки исчезли из шкафа. Тут же прыгаю за руль и нажимаю кнопку вызова. Телефон любимой не отвечает, тогда звоню помощнику.

– Санек! Срочно! Лерка сбежала. Ее нужно найти.

– Где вы?

– Не задавай глупых вопросов. Знаешь же, куда мы поехали!

Я на сто процентов уверен, что Санек по приказу отца отслеживает мои передвижения. Не догадываюсь, каким способом, через GPS или маячок, но отслеживает, еще и отчитывается каждый час, не иначе.

Выезжаю из кемпинга и оглядываюсь, не понимаю, с кем могла уехать Лера. Городской транспорт сюда не ходит, вызов такси обойдется в баснословную сумму, не для Леркиного кармана. Наверняка воспользовалась автостопом. Звоню приятелю Димке Михееву.

– Слушай, бро! – ору в трубку. – Выручай! Прикажи охране кемпинга проверить видеокамеры.

– А тебе зачем?

В двух словах объясняю ситуацию. Димка ворчит, но обещает помочь. Я давлю на газ, высматриваю по обочинам дороги Лерку. С этой упрямцы станется, может и пешочком в город потопать. Приятель звонит через несколько минут.

– Короче, лови сюжетец. А дальше сам разбирайся.

Димка присылает момент записи, где я хорошо вижу Лерку, которая садится в белую Ауди. Я сразу узнаю машину. Она была припаркована у соседнего с нами домика.

Тут же отправляю видео Саньку. Больше ничего не могу сделать, только ждать. Помощник оправдывает квалификацию: звонит, когда я подъезжаю к городу. Останавливаюсь у обочины, ехать дальше невозможно: потоки воды от начавшегося ливня заливают лобовое стекло, а состояние такое, что чувствую, еще немного и не справлюсь с управлением.

– Да, говори!

– Эрик Борисович, хозяин Ауди высадил вашу подругу на первой городской остановке и поехал по своим делам.

– Кто этот ублюдок?

– Зря вы так! Уважаемый человек, просто подвез девушку.

– Хорошо. Понял. Я поеду к Лере домой.

Веду машину по дороге, залитой водой, и не замечаю ничего вокруг. Душа рвется вперед, за Лерой. Пригород миную быстро, движение слабое, гроза отпугивает всех. Где-то далеко слышится вой полицейских машин. Отмечаю это мимоходом, но не придаю значения, мысли совершенно не о том.

«И куда черт понес Лерку? – кипит все внутри от злости. – Поймаю, всыплю по первое число!» Но, подъезжая к дому, где она снимает квартиру, уже успокаиваюсь, радуюсь, что увижу любимую и крепко прижму к себе.

Квартира встречает темнотой и ругающей тишиной. Опять набираю номер любимой. «Абонент временно недоступен», – твердит механический голос. Второй звонок Саньку.

– У тебя есть номер Лериных родителей?

– Да, минуточку, – тихо говорит он и замолкает.

И в этой тишине вдруг слышу посторонние звуки: громкие голоса людей, сирену скорой помощи, шум машин.

– Что у тебя там? – спрашиваю внезапно осипшим голосом, а сердце в груди пропускает один удар.

– Эрик Борисович, я нашел Леру.

– Что ты тянешь кота за хвост? – воплю во весь голос, перекрикивая шум в ушах, внезапно нахлынувший на меня.

– Леру везут в Боткинскую больницу. Поезжайте туда.

– Что случилось?

Кажется, что мир рухнул мне на голову, расплющил ее и превратил в лепешку. Вижу мутным взглядом дождь за окнами, мигающие огоньки приборной доски, но ничего не понимаю. Лерка! Моя Лерка не может быть в больнице! Никогда и ни за что!

– Выясняю. Я решил осмотреть место остановки, где девушку высадил водитель, и нашел ее без сознания.

И тут в мозгах что-то щелкает. Голова из плоской становится раздутой как шар, а внутри сверкают молнии и грохочет гром. В груди разливается такой зимний холод, что, кажется, все покрывается коркой льда.

– Разберись там! – приказываю спокойно и отключаюсь.

Не время сейчас для истерики, нужно действовать.

Я тороплюсь в больницу, куда увезли Леру, нахожу палату реанимации. Здесь тихо, жутко и страшно. За закрытыми дверями врачи борются за жизни людей. За жизнь моей любимой.

Дергаю ручку, ко мне бросается отец Леры, родители прибыли раньше меня.

– Эрик, не надо, туда не пускают.

Ее мама сидит на диване и плачет. Она приглушает платком рыдания, но они иногда прорываются и вызывают дрожь во всем моем теле.

– К-как она? – говорить не могу, просто показываю на дверь.

– Без сознания.

– Надежда есть?

– Ничего не говорят.

Я срываюсь с места, поднимаю на ноги всех медиков, но меня грубо выставляют из палаты. В отчаянии опускаюсь на пол, обхватив голову руками, не хочется ни двигаться, ни жить.

– Лера, – сквозь плотно сжатые губы прорывается стон. – Ах, Лера!

– Эрик Борисович, – трогает за плечо Санек.

Смотрю на него удивленно: он же был у остановки. Как оказался здесь? Тут же вскидываюсь, встряхиваю головой.

– Санек, ты узнал, кто эта сволочь?

Я поднимаю воспаленные глаза, в них словно песку насыпали, смотрю на помощника и вижу лишь размытый силуэт.

– Ведется следствие, – тихо отвечает тот. – На дороге в это время было мало машин, гроза.

– Должны быть камеры...

– Видимость плохая, картинка размыта. Нужно время...

Из палаты доносится шум, что-то падает, голоса становятся громче. Я вскакиваю, бросаюсь к двери, Санек хватает меня за локоть.

– Пусти!

Толкаю его и врываюсь в реанимацию. Меня кто-то пытается оттащить, но я вижу только милое лицо, открывшееся вдруг в просвете между врачами. На нем – застывшая кровь, многочисленные царапины и ссадины.

– Лера, я здесь! – кричу, не контролируя себя.

– Уведите его! Немедленно!

– Господин, вы мешаете.

– Нет! – вдруг вижу, как ресницы Леры шевелятся. – Смотрите! Она приходит в себя!
– Убирайтесь!

Меня выталкивают, но я цепляюсь за кровать, за стены, сползаю на пол, а взгляда не отвожу от любимой. Вот она открывает глаза и смотрит прямо на меня. Ее пальцы шевелятся, словно она хочет взять меня за руку.

– Пожалуйста, пустите к ней. Прошу, – из горла вырывается стон.

И вдруг не чувствую больше давления на руки. Сразу вскакиваю и падаю перед кроватью на колени.

– Эрик... – тихо зовет Лера. – Эрик...

– Да-да! – целую ее холодные пальцы. – Я здесь, любимая. Все будет хорошо.

– Эрик... Э...

Глаза закрываются, короткое пиканье слышится над головой.

– Что это? Что с ней?

– Пустите!

Меня оттаскивают от кровати. Врачи плотной стеной закрывают Леру. А пиканье все громче, оно бьет по ушам, проникает в каждую клетку тела и вдруг обрывается на полуноте. В наступившей тишине звучат страшные слова:

– Время смерти: два часа тридцать одна минута.

– Убь-ю-ю-ю! – дикий рев вырывается из глотки. – Убью!

Меня волоком вытаскивают из палаты. Но мне уже все равно: мир замирает в эту минуту, перестает существовать. Где-то плачет мать Леры, причитает ее отец, что-то говорит без остановки секретарь, а я вижу только глаза любимой, слышу последнее слово, сорвавшееся с губ.

– К сожалению, – разводит руками дежурный врач. – Удар в голову, тяжелый отек мозга. Повреждения, не совместимые с жизнью. Вам нужно пройти, подписать бумаги.

– Бумаги? Какие на хрен, бумаги? Пустите меня к ней!

Санек удерживает меня на месте, не дает пробиться обратно в палату. Я опускаюсь на пол, обхватив голову руками. Сколько времени так проходит, не знаю, но в сухих глазах слез нет, мысли заканчивают беспорядочную чехарду. Теперь у меня есть цель: найти и уничтожить ту тварь, которая сделала такое с моей любимой.

– Я сам на все заплачу, – останавливаю порыв растерянного отца и поворачиваюсь к помощнику. – Санек, займись организацией похорон.

Эти дни живу, как в тумане. Дома не показываюсь, на звонки не отвечаю. Ночую в маленькой квартирке Леры, где я был так счастлив, и ищу, ищу, ищу...

Санек использует все связи, чтобы добыть записи ближайших к остановке камер наблюдения. Одна висела над светофором, другая – на стене аптеки.

Потихоньку начинает вырисовываться цельная картина. Лера сидела на остановке, когда старый Мерседес занесло на дороге, машина закрутилась так сильно, что разглядеть ни водителя, ни номер было невозможно, белое пятно и только. А потом она и вовсе пропала с поля зрения.

Но на остановке повреждений не было, значит, автомобиль не врезался в нее. Тогда почему Лера пострадала?

– Может быть, – предполагает Санек, – Валерия Ивановна увидела аварию, испугалась и выбежали из укрытия?

– Прямо под колеса? Моя Лерка не похожа на истеричку.

– Или, не дождавшись автобуса, она решила пойти пешком, тут ее и накрыло?

– Не сходится. Ты, говоришь, что нашел ее на стройке?

– Да, она лежала за ограждением.

– А что было рядом?

– Строительный мусор, кирпичи, бетонные плиты.

– Погоди, тогда Мерседес, тут каким боком?

– Полиция нашла осколки фары, но далеко от того места, где лежала Валерия.

Закрываю глаза, в голове каша, эмоции держу в узде, не время раскисать, но загадочная смерть Леры сутками не дает покоя. Нутром чувствую, что в гибели любимой виноват Мерседес, но как?

– Санек, надо вычислить все проезжавшие машины, и добыть записи с их видеорегистраторов. Кто-то наверняка видел аварию или пересекался с Мерсом. Слишком заметная машина.

– Полиция ведет расследование.

– Санек, займись! – подхожу к нему ближе, кладу руку на плечо, смотрю прямо в глаза, помощник не отводит взгляда. – Полиция может скрыть правду. Я... сам... хочу... знать...

– Хорошо. Борис Сергеевич уже в курсе ситуации, – добавляет он тихо.

– Доложил?

– Простите, обязан. Он мой босс.

Молчу, размышляю. Если батя все знает, вмешиваться не будет: смерть Леры ему на руку. Дьявол! Хлопаю себя по лбу, Санек удивленно поднимает бровь.

– А если авария просто случайность? Вдруг ноги растут из другого места?

– Нет, не верю. Борис Сергеевич не опустится до такой низости. Ему не надо.

– Плохо ты знаешь моего отца.

– Нет, нет! Босс не уголовник, а бизнесмен. Он будет действовать по-деловому: предложит деньги, престижную должность, квартиру, машину...

– А вдруг уже предлагал, а Лера не согласилась?

– Эрик Борисович, вам нужно отдохнуть.

Ловлю сочувственный взгляд помощника: кажется, он думает, что я спятил. Какой тут, к черту, отдых, когда душа горит от горя и ненависти к человеку, который сотворил такое зло!

И все же и полиция, и помощник действовали одними методами. Через два дня я вглядывался в экран ноутбука, пытаюсь рассмотреть водителя Мерседеса. Видеорегистратор встречной машины мельком захватил лобовое стекло у водительского места. Но картинка была странная: хорошо виднелись очертания головы, но без лица.

– Чертовщина какая-то! Не пойму, кто там, баба или мужик?

Определить шофера так и не удалось, очевидца аварии тоже не нашли, зато айтишники сумели вычислить номер машины.

Санек добывает материалы и привозит мне досье на хозяйку Мерса. Я открываю папку.

– Какого хрена? – срывается с губ.

Растерянно смотрю на Санька.

Глава 9. Арина

Мама решительно отодвигает меня в сторону и прячет за спиной.

– Молодой человек, никуда с вами моя дочь не пойдет! – заявляет она.

– Мы хотим только побеседовать, – вежливо улыбается пухляш. – Есть вопросы.

– Говорите здесь или проваливайте!

Я испуганно оглядываюсь. Баба Галя крутится где-то рядом и подслеповато вглядывается в полицейских. Зрение у нее старческое, зато слух отменный.

– Mamочка, или домой, – обнимаю маму. – Все хорошо. Наверняка какая-то ошибка.

Скоро все разъяснится.

Но тихая и спокойная мамуля вдруг показывает бойцовский характер.

– Нет! Не прогоняй меня! Я сойду с ума, пока буду ждать новостей, – она поворачивается к пухляшу и приказывает: – Говорите!

– Эта машина на днях побывала в аварии, – начинает тот.

– Как в аварии? – мама смотрит на меня. – А ранка на лбу?

Тут я пугаюсь: сейчас она сболтнет лишнего, а мне потом придется оправдываться. Отвожу ее в сторону.

– Мама, ты видишь, со мной все в порядке, с Мерседесом тоже. Была гроза, а тормоза работали не очень хорошо, вот нас и закрутило на дороге. Все!

– Но полиция...

– Это ее работа. Увидели по камерам сложную ситуацию, теперь выясняют, что произошло. Иди домой, не давай пищу для сплетен. Смотри, баба Галя вокруг нас крутится. Я вернусь через час, и мы поедем в салон.

Целую ее в щеку и провожаю к подъезду. Я благодарна полицейским за то, что они терпеливо ждут меня.

В участок я отправляюсь на Мерседесе, так попросили оперативники.

– Пока мы с вами будем беседовать, машина пройдет тесты. Не возражаете?

– Нет, конечно, мне бояться нечего, – гордо отвечаю я, хотя у самой поджилки трясутся.

«Что случилось? Откуда полиция? Зачем я им понадобилась?» – крутятся в голове вопросы, а в руке сжимаю телефон и мучительно прикидываю: позвонить Матвею или нет? Решаю не тревожить любимого, пока не выясню, что от меня понадобилось полиции.

В кабинете следователя прохладно, негромко шумит кондиционер, седой, полноватый мужчина перебирает на столе бумажки, взмахом руки предлагает мне стул.

– Ну-с, приступим? Арина Романовна Васильева – это вы?

– Да.

– Машина записана на вас?

– Мерседес остался от бабушки, мама после инсульта не садится за руль, поэтому переписала его на меня.

– Так, так, – он быстро стучит по клавиатуре. – Скажите, Арина Романовна, где вы были тридцатого мая в двадцать часов тридцать минут?

– Не знаю. Специально не замечала. Надо вспомнить.

– Эх, молодежь! Время течет мимо вас, – мягко говорит следователь, а я расслабляюсь. – Я напому. Это вашу машину зафиксировала камера на перекрестке? Вот здесь.

Он поворачивает ко мне монитор, и я вижу Мерседес, который крутится на дороге и исчезает из поля зрения.

– Да, это моя машина.

– Отличненько. Так и запишем, – минуту слушаю стук клавиш. Пока следователь занят, я прокручиваю в голове происшествие. – Вы откуда ехали, позвольте узнать.

- Купаться ездила на «Око Дьявола», – отвечаю мгновенно, это я могу подтвердить.
- Так далеко от столицы?
- Случайно узнала об этом месте и решила прокатиться.
- Одна?

Вопрос застаёт врасплох. Мысли закружились в безумной пляске. Сказать, что за рулем был Матвей, – подставить любимого, и тогда цепочку последующих событий представить невозможно. Его карьера, наша свадьба, отношение ко мне его матери – все будет под вопросом.

И в то же время, идет расследование, о Матвее узнают и без меня, если сейчас скажу, что была одна, поймают на лжесвидетельстве.

И потом, ничего же не случилось. Никто не пострадал, а за разрушенное ограждение мы заплатим.

«Господи! – молюсь про себя. – Помоги мне!»

И тут озаряет: нас вместе никто не видел. Матюша все время крутился возле домика, а когда мы ходили купаться, пляж был пуст. На видео с трудом узнается машина, лица водителя и пассажира вообще нет, темное пятно.

Глубоко вздыхаю и бросаюсь словно с обрыва в омут.

– Да, одна.

– Что же произошло?

– Была гроза, Мерс занесло. Глупая ошибка, – показываю пальцем на угол. – Здесь аптека, рядом стоит дутая резиновая фигура. Я ее не заметила за стеной дождя, а когда увидела, показалось, что это человек, вот и нажала на тормоз, а он не сработал. Машину закрутило, занесло на строительное ограждение. Простите, за разбитые фонарики я обязательно заплачу.

– Хм, фонарики, – следователь протер очки и нацепил их на нос. – И все?

– А что еще? Ой, погодите! Еще была пустая бочка!

– Что? – быстрый взгляд поверх очков, пальцы забарабанили по клавиатуре. – Какая бочка?

– Не знаю, со стройки, наверное. От удара она поднялась в воздух, отлетела, разбила мне фару, оставила вмятину на капоте.

– Бочка говорите? – следователь перебирает бумажки, разглядывает какие-то пакетики, всматривается в монитор.

В дверь входят длинный полицейский и пухляш. Мимоходом отмечаю, какие они разные. Пухляш кладет перед следователем листок, тот читает, я невольно напрягаюсь. Что-то происходит, но что? И почему меня не отпускают?

– Осколки фары от этого Мерседеса, – говорит длинный.

– Ну, я это же и сказала. Бочка отлетела, разбила фару.

– Какая бочка? – теперь на меня уставились еще две пары глаз.

Снова повторяю рассказ об аварии. Полицейские переглядываются.

– Вы хотите сказать, что человека не сбивали?

– Человека? – дыхание перехватывает о ужаса. – Но там не было человека. Ни одного.

– Девушка сидела на скамейке, а теперь она... в море.

– Где? – от шока шепчу дрожащими губами.

Пухляш смотрит на часы.

– Вернее, ее недавно похоронили.

– Что вы говорите? – вскакиваю и бегу к двери, меня перехватывают на полпути. – Этого не может быть! Это не я!

– Сядьте!

Хлесткий, как удар плети, приказ, пригвозждает меня к полу. Сумочка с грохотом падает с плеча, колени подгибаются. Меня подхватывают под руки и усаживают на стул.

– Мы... я вывернула руль, машина не задела остановку, – бормочу беспрестанно, – пролетела мимо и застряла в ограждении, – губы дрожат, язык заплетается, глазам становится горячо.

– Остановка? Мы ничего не говорили об остановке. Значит, вы видели девушку?

– Да... Но... Ее там не было...

Замолкаю, в ушах появляется звон, он все громче и громче, а мысли в голове все страшнее. «Неужели мы сбили ту женщину? Не может быть! Матвей же проверил. Он врач, не оставил бы умирать раненого человека.

– Пожалуйста, поверьте мне. Дождь просто заливал лобовое стекло, дворники не справлялись. Когда я увидела резиновую фигуру, испугалась, моя машина заскользила. Мы... нет, я пыталась справиться с управлением, но Мерседес закрутило и занесло на строительную площадку. Я врезалась в бочку. Она была пустой, поэтому подпрыгнула, упала на капот и отлетела в сторону. Все.

– Но бочки, о которой вы говорите, не было посередине дороги.

– Правильно, она отскочила на обочину. Наверное. Не знаю. Вы же ее можете найти.

– Как? – детектив раздраженно взмахивает руками. – Где? Прошло несколько дней. Мы и вашу машину с трудом вычислили, а сами вы не заявили о происшествии, скрыли.

– Ничего я не скрывала! – уже почти шепчу. – Может, строители убрали бочку. Опросите их, умоляю.

– Ты вздумала учить нас, как надо работать? – поднимается с места длинный оперативник.

– Нет, что вы! Я говорю правду. На капоте Мерседеса есть вмятина от соприкосновения с бочкой. Ой, была...

– Вы поторопились отдать машину в ремонт. Разве не потому, что хотели замести следы преступления?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.